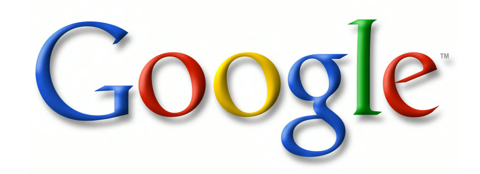
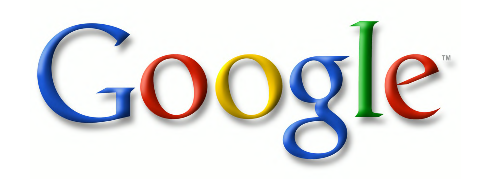
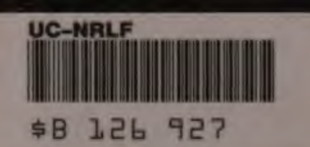

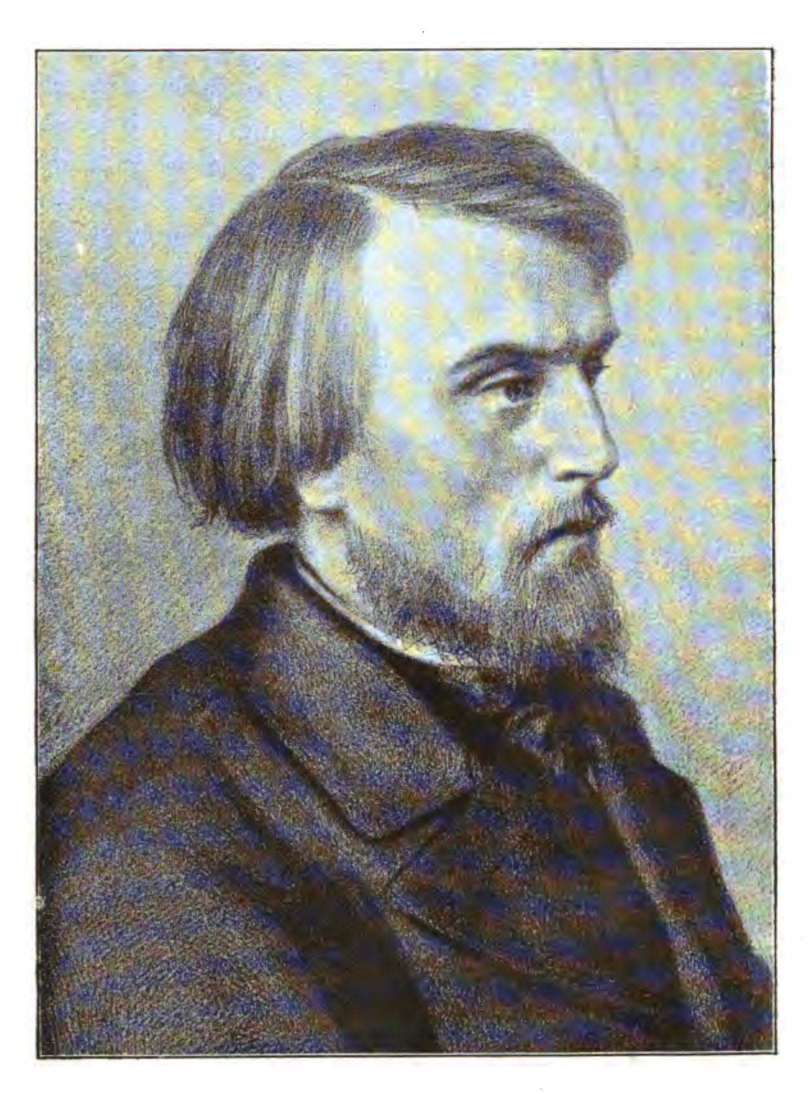

Kailflinner

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
1810–1848.

Викторъ Острогорскій.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

КАКЪ КРИТИКЪ И ПЕДАГОГЪ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ,

прочитанныя 12-го и 19-го марта 1898 г. въ Петербургѣ, въ Большой аудиторіи Солянаго Городка, въ виду предстоящаго 26-го мая 1898 г. исполненія пятидесятилѣтія со дня смерти Бѣлинскаго.

(Лекціи читаны въ пользу Подвижнаго Музея учебныхъ пособій).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1898

Lailfliner

дахъ, когда изученіе этихъ послѣднихъ философовъ охватило московскую молодежь, со Станкевичемъ во главѣ. Общее философское міровоззрѣніе даетъ извѣстное направленіе и характеръ критикѣ. Эта критика, какъ сочиненіе, имѣющее цѣлью уяснить значеніе художественнаго произведенія, возникаетъ обыкновенно въ тѣ же эпохи умственнаго подъема и идетъ параллельно съ появленіемъ самыхъ художественныхъ произведеній: такъ было, по крайней мѣрѣ, у насъ въ эпоху двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, когда появляется одинъ за другимъ и Полевой, и Надеждинъ и, наконецъ, Бѣлинскій; такъ было и во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, и въ началѣ шестидесятыхъ, когда писали Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Ставя художественнымъ произведеніямъ извѣстныя требованія, съ точки зрѣнія извѣстнаго взгляда на искусство и съ этой точки ихъ оцѣнивая, критика имѣетъ значеніе огромное. Она, особенно у насъ въ тридцатые и сороковые годы, является руководительницей вкуса, да и вообще взглядовъ на жизнь, нравственность, общественность и т. под., и тѣмъ самымъ послѣ школы воспитываетъ взрослыхъ, создавая въ странѣ общественное мнѣніе. Два различныхъ требованія, предъявляемыхъ къ поэтическому произведенію, опредѣляютъ и два вида критики. Одна—*эстетиче-*

ская разсматриваетъ, насколько оно соотвѣтствуетъ данной теоріи, правиламъ, извѣстной метафизической проблемѣ о законахъ искусства. Такова, напр., критика Бѣлинскаго о Горѣ отъ ума, которую Бѣлинскій осудилъ, какъ комедію, неудовлетворяющую якобы теоріи драмы. Другая критика—*историческая*, разсматриваетъ произведеніе съ точки зрѣнія отраженія въ немъ современности. Другими словами, опредѣляетъ, насколько произведеніе выражаетъ людей, духъ, общество, своего времени. Примѣръ такой критики—статья о томъ же Горѣ отъ ума, Гончарова; таковы критика Бѣлинскаго о Пушкинѣ и позднѣйшія его статьи; таковы критики Добролюбова. Русская критика, какъ и на Западѣ, сначала была почти исключительно эстетическая; въ настоящее время, когда метафизическія опредѣленія красоты и прекраснаго, а также и вообще положенія эстетики и теоріи поэзіи оказались несостоятельными, она, эта критика, обратилась повсемѣстно въ *историческую*. Таковы критики Тэна, Вогюэ, Шмидта и др., у насъ критики Пыпина, Скабичевскаго, Шелгунова, Н. К. Михайловскаго, Вал. Майкова, Тихонравова, ранѣе — Чернышевскаго и Добролюбова.

Критика наша XVIII вѣка соотвѣтствовала ѳеемерной и случайной литературѣ своего времени и

не можетъ быть названа ни эстетической, ни исторической. Это даже и не критика, а только случайныя замѣтки, или хвалебныя, или бранныя, случайнаго же цѣнителя, который ни анализировалъ произведенія съ точки зрѣнія какой-нибудь эстетической теоріи, ни искалъ въ немъ значенія для своего вѣка и времени, а руководился только своимъ личнымъ, плохо воспитаннымъ, вкусомъ, или вообще, личными своими отношеніями къ писателю: развѣ, и то рѣдко, критикъ смотрѣлъ, вѣренъ ли оставался писатель пресловутой теоріи Буало L'art poétique и насколько приблизился къ иностраннымъ образцамъ. И если приблизился, то, не обинуясь, называлъ его нашимъ Гомеромъ, Пиндаромъ, Гораціемъ, Корнелемъ, Расиномъ и т. п.

Жалка была, за рѣдкими случайными исключеніями, какъ Державинъ и Фонъ-Визинъ, наша художественная, рабски подражательная, литература XVIII в.—еще жальче была критика.

Не лучше обстояло дѣло и въ первой четверти XIX в. Ни одного самостоятельнаго художественнаго таланта до Пушкина, за исключеніемъ одиноко стоящаго баснописца Крылова, не появлялось. Жуковскій и Батюшковъ почти исключительно переводчики подражатели преимущественно поэтамъ формы, остальное все бездарно и сводится къ праздному

стихоплетству, оффиціальной, самомнящей, словесности, къ литературному меценатству. Журналистика, зло осмѣянная Пушкинымъ, кажется еще жальче. Это какая-то игра въ литературу, и самое слово *сочинитель* чуть не позорное. Это какія-то тоненькія, сѣренькія книжонки въ восьмушку листа, наполненныя всѣмъ, что Богъ послалъ, и существующія едва на 500 — 600 подписчиковъ. Скукой, пошлостью, грубостью, плоскостью вѣетъ отъ всѣхъ этихъ петербургскихъ — Сынъ Отечества — Греча Сѣверный Архивъ — Булгарина, Отечественныя Записки — Свиньина, или Московскаго Вѣстника Европы—профессора Каченовскаго. Особенною пошлостью и неприличіемъ отличался потѣшавшій неразвитую публику Благонамѣренный — Измайлова, который оправдывался передъ подписчиками въ своемъ запаздываніи выхода книжки тѣмъ, что онъ, редакторъ,

„Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ.
„Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ“.

Въ этихъ журналахъ шли безконечные споры о старомъ и новомъ слогѣ; всѣ они писали восторженные панегирики титулованнымъ сочинителямъ изъ досужихъ крупныхъ чиновниковъ, или придирались къ мелочамъ и промахамъ, ругали писателя

въ пухъ и прахъ, ругались самой площадной бранью между собою изъ-за подписчиковъ, такъ что самыя слова *критика*, *критикъ*, *критиковать* стали синонимами слова *брань*, *ругатель*, *ругаться*, *отбрить* и т. п.

Но оставимъ эту жалкую игру въ литературу въ журналистикѣ и остановимся на минуту на двухъ противуположныхъ направленіяхъ литературы, которыя, какъ и другія важнѣйшія умственныя вѣянія запада, были восприняты нами съ запада.

Въ XVIII в. господствовалъ у насъ всецѣло, такъ называемый, псевдо- или ложный классицизмъ. Это направленіе, или, вѣрнѣе, школа, теорія, возникшее въ эпоху возрожденія, вслѣдствіе увлеченія литературой греко-римской, можетъ быть названо также подражательнымъ и антинаціональнымъ, условнымъ. Особенно привилось оно у разсудочныхъ и малопоэтическихъ французовъ. Во Франціи пригрѣли псевдоклассицизмъ короли и духовенство, такъ какъ видѣли въ немъ вѣрное средство отвлечь вниманіе публики отъ критики настоящаго положенія Франціи, а также и отъ реформаціонныхъ идей, которыя съ реформаціи вели къ критикѣ самого католическаго духовенства и униженію его авторитета. Покровительствуемый Людовикомъ XVI и кардиналомъ Ришелье, этотъ псевдоклассицизмъ

сложился въ XVII вѣкѣ, благодаря книгѣ Буало „*Искусство поэзіи*“ (L'art poetique), въ цѣлый кодексъ, и состоитъ онъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Въ поэзіи изображаются только предметы высокіе, возвышенные, или милые, пріятные, природа, но не иначе, какъ украшенная (L'art embellit la nature); здѣсь сюжеты не національные, а только изъ древняго міра, изъ міра отдаленнаго и фантастическаго.

Исключеніе допускалось только для комедіи и сатиры, да и тамъ громились, по большей части, отвлеченные пороки и восхвалялись отвлеченныя добродѣтели. Изъ видовъ поэзіи допускались только поэма, идиллія, басня, сказочка, какъ у Лафонтена; торжественная ода, сентиментальная пасторальная элегія и всякая любовная придворная дребедень въ родѣ мадригаловъ, экспромтовъ, сонетовъ, шарадъ и т. п., да разсудочная сатира съ осмѣиваніемъ отвлеченныхъ пороковъ и смѣшныя, легкія, никого незадѣвающія, эпиграммы. Въ драмѣ допускалась только строгая трагедія съ тремя единствами и комедія, большею частію, какъ даже часто и у Мольера, сбивающаяся на фарсъ. Самый строй, манера сочиненія, планъ, слогъ, все опредѣлялось строгими правилами и по рукамъ связывалось всякое творчество, и исключалось все, что

носило на себѣ характеръ національности, живой современности или свободнаго вдохновенія.

Противовѣсомъ, реакціей, этому холодному и условному классицизму явилось другое направленіе, или, такъ сказать, новое литературное движеніе, получившее неопредѣленное и неточное названіе *романтизма*. Возникнувъ во второй половинѣ XVII в. вслѣдствіе очень многихъ сложныхъ причинъ въ Англіи и утвердившись въ Германіи въ лицѣ Гердера, Клопштока, Бюргера, особенно Шиллера и Уланда, онъ имѣлъ огромное вліяніе на всю европейскую литературу, выразившись у насъ, отчасти, въ сентиментализмѣ Карамзина и въ трагедіяхъ Озерова, и наиболѣе ярко, хотя и односторонне, въ балладахъ и элегіяхъ Жуковскаго, особенно послѣ войны 1812 года.

Романтизмъ — понятіе очень сложное, обнимающее прежде всего искусство, а затѣмъ и психологію и политику, и даже касающееся исторіи и религіи. Въ искусствѣ романтизмъ, въ полную противуположность псевдоклассицизму, освобождаетъ писателей отъ всѣхъ обязательныхъ правилъ, предоставляя поэту полную свободу творчества и признавая только геній какъ особую натуру, возносящуюся надъ толпой и страдающую непониманіемъ этой натуры,—натуру своенравную, при-

хотливую, эгоистическую, обособленную отъ всего міра, въ себѣ самой ищущую удовлетворенія. Нервозная чуткость чувства и преобладаніе фантазіи нада трезвымъ разсудкомъ и благоразуміемъ, опять-таки противоположно псевдоклассицизму, въ соединіи съ неудовлетворенностью жизнью и стремленіемъ къ недостижимому и неопредѣленному идеалу, мечты, мистическая религія, идеальная любовь къ идеальной женщинѣ, мечтательная грусть—вотъ характерныя черты романтической натуры. Неудовлетворенность существующею жизнью и ея политическими и общественными порядками порождаетъ въ *однихъ* романтикахъ открытый протестъ, какъ у Вертера, или въ Разбойникахъ Шиллера, или въ Байронѣ и Гюго; въ *другихъ* — стремленіе къ старинѣ, къ прошлому, но не непремѣнно къ греко-римскому, какъ у псевдоклассиковъ, а по большей части къ своей національной старинѣ, порождаетъ балладу англійскую и нѣмецкую, опоэтизировавшую средневѣковое рыцарство, духовенство и прекрасныхъ дамъ сердца (Вальтеръ Скоттъ). Этотъ-то романтизмъ, мечтательный и туманный, этотъ романтичный, сентиментальный міръ сердца и грезъ, эти порывы къ геройзму духа, это-то романтическое увлеченіе стариной, при равнодушіи къ настоящему, и культивировалъ у насъ Жуковскій въ балладахъ,

элегіяхъ, Орлеанской дѣвѣ и Камоэнсѣ, совершенно не коснувшійся, романтизма воинствующаго, мрачнаго, протестующаго, который такъ ярко выразился въ Байронѣ и позже—въ Гюго.

Эти оба направленія литературы, классицизмъ и романтизмъ, ярко обозначившіяся въ нашей литературѣ въ первую четверть нашего столѣтія и вступившія между собой во враждебныя отношенія, очень скоро встрѣтились съ нѣмецкимъ философскимъ ученіемъ, которое, по имени своего главы Шеллинга, называется *шеллингизмомъ*. Это-то ученіе и послужило въ Россіи *первою* научною, теоретическою основою не только одной нашей критики, но и мѣркою, критеріумомъ, всѣхъ нашихъ историческихъ понятій, и породило, такъ-называемыхъ, славянофиловъ и западниковъ, борьба между которыми имѣетъ весьма важное историческо-литературное и общественное значеніе.

Возникло это шеллингово ученіе у насъ, какъ и позднѣйшій гегелизмъ, не въ Петербургѣ, но въ Москвѣ, гдѣ больше было досужихъ богатыхъ людей, которые на покоѣ могли заниматься отвлеченными вопросами, и куда, при отсутствіи желѣзной дороги, позднѣе доходили петербургскія бюрократическія и иныя вѣянія, и гдѣ больше было образованной молодежи, знавшей иностранные языки, которымъ обу-

чали помѣщичьихъ дѣтей иностранные гувернеры, нѣмцы, французы, въ родѣ тѣхъ, которые воспитывали Бельтова въ романѣ *Кто виноватъ*, Рудина и Лаврецкаго. Рано развившись подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ, даровитые юноши, много читавшіе хорошихъ книгъ въ своихъ семейныхъ библіотекахъ и подготавливаемые къ экзамену профессорами, вступали въ Университетъ лѣтъ по шестнадцати, какъ: Станкевичъ, Грановскій, Тургеневъ и друг.

Шеллингизмъ пошелъ изъ Московскаго университета, и первымъ провозвѣстникомъ шеллингизма у насъ былъ профессоръ сельскаго хозяйства Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, который знакомилъ съ философіей Шеллинга на лекціяхъ сельскаго хозяйства, а кромѣ того въ 1825 г. читалъ и публичныя лекціи по философіи. И вотъ, подъ вліяніемъ-то этого Павлова и образовался мало-по-малу въ Москвѣ особый литературный кружокъ изъ молодыхъ университантовъ, какъ Веневитиновъ, И. В. Кирѣевскій, Шевыревъ, Погодинъ, кн. Одоевскій и другіе. Эта-то молодежь, извѣстная подъ именемъ *архивныхъ юношей*, такъ какъ служила въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и возбудила у насъ своими статьями и толками особенное увлеченіе романтизмомъ, какъ стремленіемъ къ

самобытности, народности, увлеченіемъ стариной и идеями національности и родственнымъ съ романтизмомъ шеллингизмомъ. Въ то же время возбудилъ интересъ къ національной литературѣ своими сочиненіями и Пушкинъ, а въ 1824 г. появился и первый русскій критическій журналъ *Московскій Телеграфъ* Н. А. Полевого. Но, прежде чѣмъ говорить о критическихъ предшественникахъ Бѣлинскаго,—Полевомъ и Надеждинѣ, постараемся изложить сущность шеллинговской философіи и вытекающихъ изъ нея двухъ направленій: — славянофильства и западничества.

Шеллингъ, придававшій огромное значеніе художественному творчеству, училъ, что вселенная (міръ) не что-нибудь иное, какъ художественное произведеніе, которое есть воплощеніе божественной идеи въ чувственныхъ формахъ. Но, подобно тому, какъ въ художественномъ произведеніи, эта идея развѣтвляется, выражается въ частностяхъ, которыя сами по себѣ представляются отдаленными, и въ то же время, всѣ вмѣстѣ, служатъ цѣлому, — такъ и идея развѣтвляется и дробится на множество отдѣльныхъ идей, которыя всѣ стремятся къ воплощенію, откуда и происходитъ разнообразіе жизни и формъ всего существующаго. Всѣ люди, все человѣчество—воплощеніе міровой идеи, и каждый на-

родъ въ отдѣльности, разъ онъ выдѣляется изъ ряда другихъ народностей, какъ нѣчто особенное, существующее отдѣльно — долженъ представлять собою осуществленіе какой-нибудь идеи. Поэтому-то всѣ стремленія каждаго историческаго народа должны быть направлены къ осуществленію идеи, которую онъ воплощаетъ. Если же народъ этого не дѣлаетъ, а только рабски подчиняется вліянію другого народа, болѣе могучаго, или образованнаго, онъ уже народъ не историческій. Свою идею народъ осуществляетъ и въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ государственномъ устройствѣ, и во всей общественной и частной своей жизни живетъ по своему.

Наиболѣе же полное осуществленіе своей національной идеи находитъ народъ въ своемъ художественномъ творчествѣ, особенно поэзіи, сначала безличной массовой, народной, а потомъ художественной, личной, причемъ полнѣйшими выразителями своей особой національности являются геніи, таланты.

И такъ, творчество есть осуществленіе божественной идеи, и истинное творчество, по Шеллингу, есть какъ бы такое же стихійно-безсознательное, какъ сама природа. И раскрываетъ оно, часто, даже помимо воли самого поэта, не идеи лично

ему принадлежащія, но тѣ, которыя лежатъ въ глубинѣ духа его народа.

Изъ этого-то ученія Шеллинга съ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка и образовалось два особыхъ направленія, двѣ особыя литературныя партіи, западниковъ и славянофиловъ, которые лѣтъ на тридцать, на сорокъ, раздѣлили нашу всю литературу на два враждебныхъ лагеря. Представителями западничества явились Полевой, Надеждинъ, и особенно Бѣлинскій; представителями славянофильства — братья Кирѣевскіе, Хомяковъ, Шевыревъ, Погодинъ, Аксаковъ и многіе другіе.

Зародившись въ Москвѣ, эти направленія позже рѣзко обозначались и по мѣсту своего проявленія. Славянофилы прочно основались въ Москвѣ и создали свой журналъ „Москвитянинъ", а западники дѣйствовали въ Петербургѣ, сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго, а съ 1847 г. въ „Современникѣ" Некрасова и Панаева.

Различіе между ученіями славянофиловъ и западниковъ вышло изъ различнаго толкованія основной философіи Шеллинга по примѣненію ея къ Россіи, ея исторіи, литературѣ и всему нашему просвѣщенію. Вопросъ сводился къ тому: что̀ мы, русскіе, за народъ сравнительно съ цивилизованными народами Запада, т.-е. Англіей, Франціей,

Германіей, и должны ли мы идти обособленно, своей дорогой, высокомѣрно отвернувшись отъ зловреднаго, тлетворнаго, будто бы умирающаго, запада;—или же, наоборотъ, сознавъ нашу отсталость, прежде всего постараться догнать болѣе насъ просвѣщенный Западъ, чтобы затѣмъ уже осуществить въ дальнѣйшей своей исторіи предназначенную намъ свыше, особую, національную идею.

По Шеллингу, всякій народъ осуществляетъ свою идею, конечно, только въ возрастѣ *зрѣломъ*, когда этотъ народъ, благодаря достигнутой высшей степени образованія, придетъ къ самосознанію, точно такъ же какъ отдѣльный человѣкъ, окончившій свое образованіе и выступившій на общественную дѣятельность, сознательно ее себѣ выбираетъ и, по крайнему своему убѣжденію, по своему, сознательно же, осуществляетъ. На болѣе же низшей ступени своего развитія всякій народъ сперва подчиняется вліянію болѣе старшихъ и болѣе образованныхъ народовъ. Такъ греки подчинились Египту, римляне—цивилизаціи греческой, европейскіе народы—вліянію древней образованности, и т. д. и только позднѣе уже стали осуществлять свою національную идею по своему и Англія, и Франція, и Германія. Точно такъ же и отдѣльный человѣкъ сначала учится, подчиняется вліянію воспринятаго въ школѣ обра-

зованія, и затѣмъ уже выходитъ въ жизнь, чтобы самому дѣлать по своему свое дѣло, и сказать свое собственное, новое, слово.

Вопросъ, значитъ, въ томъ, какой мы—русскіе—народъ по отношенію къ западной цивилизаціи: младшій ли, который сначала долженъ воспринять западную образованность,—другими словами,—догнать Европу, сравняться съ нею, а потомъ уже начать, претворивъ, примѣнивъ эту образованность къ себѣ, жить по своему; или же, наоборотъ, что мы, русскіе, народъ вовсе не младшій, а такой же цивилизованный, какъ и Европа, и начавшій жить одновременно съ нею, только воспринявшій цивилизацію не изъ Рима, а изъ Византіи, такъ что въ византійскомъ же духѣ древней Руси до-петровской намъ и слѣдуетъ идти, отвернувшись отъ цивилизаціи западной, только, будто бы, насъ портящей. Отъ рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону зависитъ и взглядъ на Петра Великаго и на его реформу. Петръ Великій и составлялъ для западниковъ и славянофиловъ главный пунктъ спора.

Западники, съ Бѣлинскимъ во главѣ, смотрѣли на Россію, какъ на націю младшую, некультурную, которой одряхлѣвшая Византія передала только косность, схоластику и великое самомнѣніе. Россіи именно больше всего недостаетъ просвѣщенія, и

нужно смотрѣть на Петра, какъ на генія, который сознаЛъ нашу отсталость и первый сталъ державною рукой смѣло сѣять просвѣщеніе. „Русскій, говорятъ западники, у кого есть здравый умъ и живое сердце, до тѣхъ поръ не могъ и не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ патріотомъ въ смыслѣ Петра Великаго — дѣятелемъ въ великой задачѣ просвѣщенія русской земли. Всѣ остальные интересы его дѣятельности — служеніе чистой наукѣ, если онъ ученый, чистому искусству, если онъ художникъ, даже идеѣ общечеловѣческой правды, если онъ юристъ—подчиняются у русскаго ученаго, художника, юриста, великой идеѣ служенія на пользу своему любезному отечеству. Просвѣщеніе прежде всего, прогрессъ экономическій, общественный, политическій, усвоеніе всего лучшаго, общечеловѣческаго, что̀ вѣками и борьбой пріобрѣла Европа“,— вотъ знамя, за которое боролись западники, и съ которымъ въ рукѣ палъ героемъ духа Бѣлинскій.

Славянофилы смотрѣли на древнюю Русь, какъ на націю уже сложившуюся, которая должна была только постепенно идти дальше въ византійскомъ духѣ и которую Петръ Великій только задержалъ и сбилъ съ толку своей реформой. Облекшись въ маскарадный костюмъ народности, понадѣвъ мурмолки, косоворотки и высокіе сапоги, какъ на ста-

рости лѣтъ Аксаковъ, славянофилы прославляли древнія русскія доблести и простоту наивныхъ и невѣжественныхъ нравовъ, съ презрѣніемъ относились къ просвѣщенію Запада и въ своемъ ослѣпленіи совершенно искренно явились сторонниками многихъ темныхъ сторонъ нашей жизни. Они звали Русь назадъ, домой, въ до-петровскую эпоху, чтобъ идти съизнова отъ нея, самобытно пролагая новые пути по непроходимымъ дебрямъ невѣжества. Западники громко звали Русь впередъ, къ свѣту, къ общечеловѣческой разумной жизни и въ петровской реформѣ и послѣдующей русской исторіи отыскивали просвѣтительные задатки, которые только слѣдуетъ обратить въ прочный и вѣрный капиталъ, который и называется однимъ общимъ для всего человѣчества, и для французовъ, и для нѣмцевъ, однимъ словомъ — *просвѣщеніе!*

Вотъ, на этихъ-то идеяхъ Шеллинга и на зарождающихся ученіяхъ славянофиловъ и западниковъ и явились въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ предшественники Бѣлинскаго: Полевой съ журналомъ Московскій Телеграфъ и Надеждинъ съ своимъ Телескопомъ. Остановимся на минуту на этихъ двухъ замѣчательныхъ личностяхъ, чтобъ тѣмъ яснѣе понять смыслъ дѣятельности Бѣлинскаго.

Что такое былъ Николай Алексѣевичъ Полевой (1796 — 1846)? Чѣмъ отличался онъ отъ всѣхъ этихъ архивныхъ юношей, какъ Веневитиновъ, Одоевскій и другіе первые проповѣдники романтизма и шеллингизма, которые были гораздо его образованнѣе? Это былъ сынъ иркутскаго купца, винокура, человѣкъ изъ народа, самоучка, съ великимъ трудомъ одолѣвшій французскую грамоту у пьянаго цирульника наполеоновской арміи, а у старика богемца, учителя музыки—нѣмецкую; человѣкъ громадной памяти и обширнѣйшей энциклопедической начитанности, страстнаго темперамента и платонической жажды просвѣщенія. Все это: и происхожденіе, и самообразованіе безъ диплома, и эта жажда служить отечественному просвѣщенію—все это было поставлено ему въ вину, все подверглось беззубому остроумію со стороны петербургскихъ Булгарина и Греча съ Сенковскимъ, или московскихъ литераторовъ чиновниковъ, выставившихъ противъ Полевого въ 1826 г. убогаго водевилиста Писарева, который, какъ моська, облаивалъ редактора Московскаго Телеграфа, напр., такими виршами, раздавшимися съ подмостокъ Малаго театра:

Теперь вездѣ народъ затѣйный:—
Пренебрегаетъ простотой —
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ Полевой;

или вотъ такимъ куплетцемъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить
Самъ, не кончивши ученья,
Всѣхъ сбирается учить:
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ, —
Не пора-ль ему шепнуть:
Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ нибудь.

Надъ чѣмъ же однако смѣялись? Страстно любя просвѣщеніе, упорно учась самъ и дома, и вольнослушателемъ въ Московскомъ университетѣ, онъ, двадцати восьми лѣтъ, задумалъ и самъ послужить просвѣщенію своей родины и въ 1824 году основалъ первый русскій публицистическій, въ европейскомъ духѣ, журналъ „Московскій Телеграфъ“, и этотъ журналъ, необыкновенно популярный по изложенію, разнообразный и занимательный по содержанію, обнимавшему всѣ европейскія новости въ области науки, литературы и общественной жизни, какъ нельзя болѣе былъ въ свое время нуженъ и пришелся по плечу публикѣ. Онъ первый ввелъ доступную для средняго читателя критику съ точки зрѣнія романтизма и шеллинговской доктрины о національности и далъ нѣкоторую оцѣнку русскихъ писателей, напр., Державина и Пушкина. Его теорія романтизма съ выспренними, непонятыми тол-

пой, страдальцами—поэтами, его не всегда вѣрное приложеніе народности къ оцѣнкѣ писателей, конечно, не состоятельны; но онъ давалъ публикѣ разнообразное знаніе, поселилъ въ ней интересъ къ наукѣ. Онъ вводилъ читателя въ интересы европейскіе, общечеловѣческіе, говорилъ о Шиллерѣ, о Байронѣ; онъ, какъ и Карамзинъ, создавалъ публику, заставлялъ ее читать, давалъ цѣлую энциклопедію знаній въ легкой формѣ. Системы критики онъ не далъ, но болѣе всѣхъ расчистилъ дорогу Бѣлинскому. Ярый поборникъ западничества, онъ окрестилъ самомнящій патріотизмъ словечкомъ *квасной;* но, зарвавшись на осужденіи патріотической драмы *Рука Всевышняго*, онъ въ 1834 году сразу былъ сбитъ съ своей литературно-просвѣтительной дѣятельности: Телеграфъ подвергся запрещенію, несчастный редакторъ разорился и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, перепуганный и униженный бѣдностью, обремененный семействомъ и наемнымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба, этотъ злополучный мученикъ благородной охоты сжегъ всѣ корабли, и, поклонившись богамъ, которыхъ только что ниспровергалъ, сталъ писать самъ драмы и повѣсти въ духѣ того самаго квасного патріотизма, надъ которымъ въ Телеграфѣ такъ смѣялся. И все это онъ самъ прекрасно понималъ, и мучился, и проклиналъ себя, пока, обез-

силѣвъ, не умеръ въ 1846 г. почти въ нищетѣ, въ Петербургѣ.

Страшная, трагическая судьба, какъ и у Новикова, одного изъ піонеровъ русскаго просвѣщенія! Но судьбы Божіи неисповѣдимы и милостивы, такъ какъ въ годъ запрещенія Телеграфа, въ томъ же 1834 г. выступилъ съ *Литературными мечтаніями* Бѣлинскій, въ *Молвѣ* — приложеніи къ издававшемуся въ Москвѣ же съ 1831 года, профессоромъ Надеждинымъ, *Телескопу*. На ряду съ Полевымъ, другимъ предшественникомъ Бѣлинскаго, его ближайшимъ наставникомъ является Николай Ивановичъ Надеждинъ, какъ бы посредствующее звено между Полевымъ и Бѣлинскимъ.

Надеждинъ (1804—1856 г.), сынъ сельскаго рязанскаго священника, блестяще окончилъ семинарію и Московскую духовную Академію, гдѣ пристрастился къ философіи и сдѣлался самъ профессоромъ словесности въ Рязанской семинаріи, но въ 1826 г. вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ сталъ готовиться къ профессурѣ, подслуживаясь къ редактору Вѣстника Европы Каченовскому, своему профессору, и пописывая у него въ журналѣ, подъ псевдонимомъ Никодима Недоумки, критическія статьи съ малоостроумными вылазками противъ Пушкина и проводя эстетическіе

взгляды крайне неопредѣленные, туманные и схоластичные.

Но, защитивъ публично въ концѣ 1831 года диссертацію о романтической поэзіи и получивъ въ Московскомъ Университѣ каѳедру ординарнаго профессора изящныхъ искусствъ, Надеждинъ сразу сбросилъ съ себя опеку Каченовскаго, который сталъ ему болѣе не нуженъ, и выступилъ въ литературу совсѣмъ другимъ человѣкомъ, въ своемъ собственномъ, основанномъ въ томъ же 1831 году, журналѣ *Телескопъ* съ приложеніемъ *Молвы*. Этого то Надеждина, блестящаго профессора, поражавшаго студентовъ своей діалектикой, проводившаго ученіе Шеллинга, недолго слушалъ и Бѣлинскій, зачитывавшійся Телескопомъ и, кажется, еще въ университетѣ имъ замѣченный. Еще въ диссертаціи развилъ Надеждинъ три основныхъ тезиса всей позднѣйшей критики и своей, и Бѣлинскаго, которые сводились къ слѣдующему: 1) гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; 2) поэзія, единая по существу, облекается въ различныя формы; 3) формы поэзіи, въ которыхъ она проявляется, опредѣляются духомъ времени. Эти мысли, выраженныя только болѣе ясно, находимъ мы и въ Телескопѣ, гдѣ Надеждинъ прямо указываетъ на то, что искусство есть воспроизведеніе природы, а художественные образы

генія—это не что иное, какъ зеркало человѣчества. Отсюда уже естественно вытекаио требованіе отъ поэта естественности и народности, и всѣ эти мысли, къ которымъ Полевой только подходилъ, которыя, такъ сказать, въ своемъ Телеграфѣ предчувствовалъ, въ первый разъ болѣе опредѣленно были поставлены Надеждинымъ въ Телескопѣ, и Надеждинъ можетъ быть смѣло названъ предтечею Бѣлинскаго, который и началъ съ оцѣнки русской литературы именно на основаніи требованій своего учителя.

Здѣсь кстати сказать и вообще о значеніи въ нашей критикѣ русскаго шеллензима, который въ литературѣ проглядывалъ еще въ двадцатыхъ годахъ у рано умершаго поэта Веневитинова († 1827 г.) и отражался въ статьяхъ Полевого. Шеллингисты на мѣсто одного романтическаго принципа полной свободы творчества, т.-е. искусства для искусства, поставили принципъ самобытности; съ осужденіемъ относились Шеллингисты къ *нашей легкомысленной и пустой стихоманіи*, виршеплетству, требуя отъ художественнаго произведенія *не одной только легкости, безотчетнаго наслажденія*, которое только отвлекаетъ людей отъ мысли и высокой цѣли совершенствованія ума и совѣсти. Шеллингисты, послѣдовательно отъ Веневитинова и князя Одоевскаго, до самого Бѣлинскаго включительно, требовали все

настойчивѣе и опредѣленнѣе, чтобы поэты были вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезными мыслителями философами, вѣнцами просвѣщенія. Они *требовали, главнымъ образомъ, того, чтобы искусство неуклонно имѣло въ виду высокія общественныя и нравственныя цѣли*, и поэты отнюдь не забавлялись бы праздною цѣлью доставить наслажденіе. Заслуга шеллингистовъ въ томъ, что они положили у насъ начало тому серьезному взгляду на задачи искусства, который обязателенъ теперь для всякаго образованнаго человѣка.

Чѣмъ же былъ изъ всѣхъ этихъ шеллингистовъ Надеждинъ? У него было все: и ученость, и основательное образованіе, острый умъ, но безъ страстности Полевого и безъ горячаго сердца и вдохновенной убѣжденности Бѣлинскаго. Рззсчетливый и холодный скептикъ по отношенію къ Россіи, Надеждинъ не былъ патріотомъ въ смыслѣ Полевого, и тѣмъ болѣе Бѣлинскаго, такъ горячо любившаго родину и всегда имѣвшаго въ виду ея интересы. Не было у него, что всего хуже, и необходимаго для критика эстетическаго чувства для вѣрной оцѣнки художественнаго произведенія, которое подтвердило бы его теоретическіе взгляды. Признавая, напр., и естественность, и народность въ Борисѣ Годуновѣ Пушкина, онъ въ то же время находилъ эти каче-

ства въ какой-нибудь надутой повѣсти Погодина или въ Юріи Милославскомъ Загоскина, а въ искусственной поддѣлкѣ подъ народный тонъ и складъ— сказкѣ Жуковскаго *О царѣ Берендеѣ* усматривалъ расцвѣтъ русской народной поэзіи и ставилъ ее даже выше Бориса Годунова.

Не было въ Надеждинѣ, какъ и въ Полевомъ, мужества духа, твердаго въ бѣдѣ и вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ въ тяжкихъ испытаніяхъ. Когда стряслась въ 1835 г. надъ Надеждинымъ бѣда, онъ совсѣмъ отказался отъ всякой литературно-общественной критической дѣятельности и весь погрузился въ безопасныя этнографическія и археологическій изслѣдованія. Впрочемъ, и бѣда-то стряслась страшная. Я уже говорилъ объ особомъ патріотизмѣ, дошедшемъ до геркулесовыхъ столбовъ въ отрицаніи Европы, со стороны славянофиловъ и о запрещеніи Телеграфа за неодобрительный отзывъ о драмѣ *Рука Всевышняго*. Съ Надеждинымъ дѣло было посерьезнѣе, чѣмъ съ Полевымъ. Но послушаемъ, что говоритъ о тогдашнемъ патріотизмѣ, преимущественно петербургскомъ, современникъ событій, Тургеневъ [1]). „Въ то время какъ Пушкинъ, отвернувшись отъ толпы, погрузился въ творчество, обдумывая свои

---

[1]) Тургеневъ, изд. 1880 г, Т. I, стр. 35.

послѣднія завѣтныя поэтическія произведенія, въ которыхъ, добавимъ мы словами Пушкина же, сокрылись для насъ, можетъ быть, святыя тайны, въ литературѣ нашей совершались, если не великія, то знаменательныя событія. Подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы, съ 1830 по 1840 годъ, у насъ сложилось убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы — великое, вполнѣ овладѣвшее собой, незыблемо твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы. И вотъ, вдругъ, почти одновременно, отвѣчая на спросъ, явилась цѣлая фаланга людей и даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ реторики, внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто внѣшней силѣ, которой они явились отголоскомъ. Они явились и въ поэзіи—напр. Кукольникъ, съ его драмами, Бенедиктовъ, Загоскинъ, Марлинскій; въ живописи—Брюловъ, въ театрѣ—Каратыгинъ, даже въ музыкѣ;—геніальный Глинка написалъ первую свою оперу Жизнь за Царя на напыщенное и реторическое либретто нѣмца барона Розена“. Это направленіе называетъ Тургеневъ ложновеличавой школой, въ которой „чувствовалось что-то неистинное, что-то мертвое, даже въ минуты ея кажущагося

торжества, и ни одного живого, самобытнаго ума не покорила она безвозвратно. Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью и самохвальствомъ, посвященныя возвеличенію Россіи, во что бы то ни стало, въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патріотами, не знавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ украшеніемъ великаго государства и великаго народа".

Вотъ этой-то школѣ и не пришлось по вкусу даже самая скромная критика Полевого. Какъ же должно было озлобить этихъ и имъ подобныхъ патріотовъ своего отечества, ихъ же было не мало, появившееся въ 1835 г. въ „Телескопѣ" Надеждина, Историческое письмо Чаадаева, богатаго москвича, отставнаго аристократа-офицера, который, въ увлеченіи своемъ западничествомъ, осмѣлился дойти до полнаго отрицанія смысла всей русской жизни, и даже до сожалѣнія, что Россія потому-то такъ и жалка, что она лишена была вовсе того воспитательнаго вліянія, какое въ средніе вѣка оказало на Россію католичество?!

Громъ ударилъ. Надеждинъ былъ лишенъ профессорской каѳедры и сосланъ въ Вологодскую гу-

бернію въ Устьсысольскъ; Чаадаевъ, авторъ статьи, признанъ съумасшедшимъ и оставленъ въ Москвѣ на житье подъ медицинскимъ присмотромъ. „Телескопъ“ и „Молва“, конечно, были запрещены.

Надеждинъ сошелъ со сцены, вмѣстѣ съ Полевымъ расчиставъ путь для самаго крупнаго піонера русскаго просвѣщенія. Полевой и Надеждинъ— это первые пахари на нивѣ общественнаго русскаго сознанія. Бѣлинскій — не только сѣятель русской мысли на неблагодарной почвѣ, но и взроститель ея при самыхъ печальныхъ почвенныхъ, климатическихъ и историческихъ условіяхъ, такъ рановременно сложившій на этой нивѣ свою буйную, горячую, голову. Въ 1834 г. сошелъ со сцены Полевой, въ 1835 г.—Надеждинъ... арена была расчищена, общество ждало новаго бойца... и могла воскликнуть—шире дорогу! Бѣлинскій идетъ!

Признается истиной, что здоровый духъ можетъ обитать только въ здоровомъ тѣлѣ. Но могучій духъ величайшей нравственной энергіи живетъ у Бѣлинскаго въ тѣлѣ тщедушномъ и слабомъ физически съ самаго дѣтства. Удивительно, какъ могъ онъ, такъ страшно „волнуясь, кипя и спѣша“, прожить до 38 лѣтъ и до самой смерти сохранить всю бодрость этого духа, весь свой великій разумъ и въ

14 лѣтъ каторжной жизни пролетарія-чернорабочаго столько сдѣлать для горячо любимой имъ родины! Вся жизнь его, — какъ говоритъ о себѣ въ Пѣснѣ о Роландѣ Карлъ Великій, — была однимъ тяжелымъ трудомъ за правду, и его безукоризненно строгій нравственный образъ не только служилъ примѣромъ для его друзей и лучшихъ изъ современниковъ, при его жизни, но даже и теперь, черезъ цѣлыхъ полстолѣтія по смерти, остался таковымъ же и для насъ. Такъ незыблемо выдержать судъ потомства—удѣлъ очень немногихъ во всемъ мірѣ, и мы, русскіе можемъ, по истинѣ, гордиться имъ не только какъ писателемъ, но и какъ человѣкомъ. Слово никогда не расходилось у него съ дѣломъ, онъ и въ жизни безъ компромиссовъ съ совѣстью, честно служилъ всему тому, чему училъ, и равнаго ему бойца слова и такого человѣка, чистаго по жизни, я не знаю.

Бѣдна внѣшними фактами его біографія и вся можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ. Сынъ бѣдняка-провинціальнаго лекаря, не кончившій курса ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, онъ двадцати-четырехъ лѣтъ выступилъ въ литературу, каторжнымъ поденщикомъ, живя впроголодь, среди невозможныхъ матеріальныхъ условій, рано подорвавшихъ его здоровье, сначала въ Москвѣ,

потомъ въ Петербургѣ; за пять лѣтъ до смерти бѣднякомъ же женился, продолжалъ работать еще усиленнѣе, за тѣ же гроши; наконецъ, умеръ въ злой чахоткѣ, не арестованный и не высланный изъ столицы съ запрещеніемъ писать, что равносильно было для него смерти, только потому, что, по донесенію Дуббельта Бенкендорфу „извѣстный сочинитель Бѣлинскій арестованъ быть не могъ, такъ какъ надъ нимъ совершается уже судъ Божій"—похороненъ въ глухомъ углу Волкова кладбища; проводило его до могилы всего около десятка друзей—вотъ и вся внѣшняя біографія Бѣлинскаго.

Но та же жизнь, такая простая по фактамъ внѣшнимъ, необыкновенно богата фактами внутренними. Ужъ одно то, что пережито, передумано имъ, одна громадная переписка его, цѣлыя тетради писемъ, изъ которой напечатана только часть (незадолго передъ смертью онъ сжегъ и уничтожилъ множество своихъ бумагъ), кромѣ 12 томовъ его сочиненій печатныхъ, куда вошли далеко не всѣ, свидѣтельствуютъ о его громадной внутренней жизни.

Постараемся же въ бѣгломъ обзорѣ прослѣдить эту жизнь, отмѣтивъ въ ней явленія наиболѣе крупныя.

Дѣдъ Бѣлинскаго, сельскій дьяконъ въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губерніи, человѣкъ замѣчатель-

ный по строгому образу жизни и уму, оставившій по себѣ въ семьѣ память праведника. Отецъ—флотскій врачъ, женившійся въ Кронштадтѣ, на дочери офицера, женщинѣ доброй, но, кажется, очень мало подходившей къ нему по уму и характеру. Это былъ прекрасный врачъ, выдававшійся острымъ умомъ, правдивостью и начитанностью, образомъ мыслей независимымъ и рѣзкостью. Дѣтство его старшаго сына, Виссаріона, родившагося въ 1810 г., въ Свеаборгѣ, прошло до шести лѣтъ среди угрюмой природы Финляндіи, а въ 1816 г. отецъ перешелъ уѣзднымъ врачемъ въ глухой городишко Пензенской губерніи, Чембаръ. Интересная, появившаяся въ мартѣ 1898 г. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, статья г. Якунина-Захарьина „Бѣлинскій и Лермонтовъ“ — (изъ чембарскихъ воспоминаній), рисуетъ это захолустье однимъ изъ тѣхъ городовъ, которые изображалъ такъ ярко Гоголь, и мальчикъ могъ видѣть эти гоголевскіе типы во всей ихъ неприкосновенности и рано узнать русскую жизнь съ ея обыденной, непоказной, стороны. Отецъ сразу разошелся во всемъ съ обывателями и, рѣзкій на языкъ, прослылъ въ городѣ безбожникомъ и волтерьянцемъ, и почти лишился частной практики. Неподдержанный и женой, сжившейся, повидимому, съ чембарскими нравами, онъ запилъ, и къ подоспѣвшей

бѣдности присоединились тяжелыя безобразныя семейныя сцены, которыхъ мальчикъ былъ свидѣтелемъ. А мальчикъ, тщедушный и некрасивый, сутуловатый и угрюмый на видъ, былъ не по лѣтамъ развитъ, нервенъ и впечатлителенъ крайне; ко всему присматривался, во все вдумывался и много читалъ, особенно любя стихи. Отецъ страстно любилъ его, видѣлъ въ немъ необыкновенныя способности и съ нимъ однимъ, своимъ ребенкомъ, единственнымъ въ городѣ симпатичнымъ ему лицомъ, нерѣдко бесѣдовалъ, какъ со взрослымъ. Много бѣдности, горькой нужды, домашнихъ дрязгъ и безобразій видѣлъ онъ въ дѣтствѣ; но не озлобленіемъ и эгоизмомъ проникла сь его юная душа, а загорѣлось въ ней, съ мягкихъ лѣтъ, та любовь, та гуманность, съ какой относился онъ всю свою жизнь ко всему обездоленному, страдающему по невѣжеству и гнету окружающихъ условій жизни. Въ Бѣлинскомъ-ребенкѣ, какъ въ герояхъ Диккенса, выросшихъ среди нищеты и порока, рано всходили сѣмена протеста и борьбы со зломъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлать изъ него упорнаго борца съ неправдой. Здѣсь же, въ семьѣ, отъ отца, получилъ онъ зачатки развитія религіознаго и крѣпкій нравственный закалъ; здѣсь же услышалъ имена великихъ писателей, напр., Шиллера, и получилъ платоническое къ нимъ уваженіе

и любовь къ литературѣ. Отецъ его, какъ ни унижалъ себя пьянствомъ, самъ по себѣ былъ натура необыкновенная, мѣтко и остро смѣявшаяся надъ отрицательными явленіями окружающей жизни, человѣкъ неспособный на компромиссъ съ совѣстью и примиреніе съ этой жизнью. Сынъ сознавалъ его недостатки, но не проглядѣлъ и его достоинствъ.

Шести лѣтъ мальчикъ уже обучился грамотѣ, а тринадцати поступилъ въ 1823 г. въ Чембарское уѣздное училище. Училище было ужасное, какъ и другія училища того времени, и мало чему могъ онъ тамъ выучиться; но оно, по крайней мѣрѣ, не портило его богатой натуры, благодаря доброй личности смотрителя, отличавшаго способнаго ребенка, который учился прекрасно, обративъ на себя особенное вниманіе тогдашняго директора училищъ Пензенской губерніи—Лажечникова. Будущій авторъ Басурмана и Ледяного дома отмѣтилъ необыкновенныя способности, ясность отвѣтовъ, отличавшую мальчика серьезность и умѣнье держать себя съ начальствомъ съ достоинствомъ, безъ робости и приниженности. Онъ обласкалъ его, подарилъ даже на память книгу съ собственноручною надписью, и мѣтко прозвалъ будущаго бойца за литературу—*ястребкомъ*. „Наружность этого мальчика лѣтъ 12, пишетъ Лажечниковъ,—привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ

прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ: худенькій и маленькій, онъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ, и смотрѣлъ онъ очень серьезно, и, какъ ни старался я сбить его въ вопросахъ, на экзаменѣ, бросаясь отъ одного предмета къ другому, онъ вышелъ изъ испытанія съ торжествомъ. А когда я поцѣловалъ этого сына здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря, этого мальчика Виссаріона Бѣлинскаго и далъ ему книгу, принялъ ее отъ меня безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства". Такъ-то отмѣтилъ почтенный русскій писатель и прекрасный гуманный человѣкъ, Иванъ Лажечниковъ, нарождающагося великаго русскаго писателя и гуманиста, Виссаріона Бѣлинскаго.

Въ 1825 г. четырнадцати лѣтъ поступилъ Бѣлинскій въ четырехласную Пензенскую гимназію, помѣстившись въ городѣ на частной квартирѣ вмѣстѣ съ семинаристами, большими любителями чтенія и литературныхъ научныхъ словопреній и диспутовъ. Въ гимназіи юноша скоро прослылъ „философомъ", превосходно учился по логикѣ, по исторіи и географіи, плохо однако справляясь съ математикой и обладая громадною памятью, помнилъ наизустъ цѣлую массу стиховъ, которыми искусно пользовался

для примѣровъ реторическихъ фигуръ и особенно хорошо понималъ формулы логики.

Но особенное вліяніе на Бѣлинскаго въ гимназіи имѣлъ рѣдкій по широкому философско-литературному образованію и гуманности учитель естественной исторіи Поповъ, знакомившій учениковъ въ классахъ и на экскурсіяхъ больше съ литературой, чѣмъ со своимъ обязательнымъ предметомъ и охотно съ учениками бесѣдовавшій. Къ нему ходилъ Бѣлинскій и на домъ и бралъ у него книги и журналы: „Вѣстникъ Европы“, „Телеграфъ“, „Московскій Вѣстникъ“ и другіе, впитывая въ себя духъ Полевого и Надеждина, о которыхъ велъ съ сожителями-семинаристами горячіе споры. Сама естественная исторія (Поповъ кончилъ въ Казанскомъ Университетѣ курсъ по двумъ факультетамъ, историко-филологическому и естественному) была проникнута у Попова, живымъ духомъ науки и обобщеній, и имена Бюффона и Гумбольдта съ его *картинами природы*, чередовались въ бесѣдахъ наставника съ именами: Жуковскаго и Шиллера, Тацита и Шекспира. Любознательный же ученикъ, исписывавшій цѣлыя тетради и стихами русскихъ писателей, и своими собственными, безпрестанно приставалъ къ своему наставнику съ разспросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, ро-

мантизмѣ, словомъ, обо всемъ, что волновало въ старое время молодыя сердца.

Такъ, еще на гимназической скамьѣ, собирался у юноши капиталъ знаній по литературѣ русской и европейской, а чисто синтетическій, быстро схватывающій и обобщающій, умъ укрѣплялся въ бесѣдахъ съ наставникомъ и спорахъ съ товарищами. Какъ видно, и здѣсь, подобно тому, какъ и въ училищѣ, его развитіе не задерживалось, а напротивъ, шло въ ширь и глубь, такъ что вскорѣ въ гимназіи ему нечего было и дѣлать, и онъ, предавшись чтенію дома, сталъ ходить въ гимназію очень рѣдко, задумавъ держать экзаменъ прямо въ Московскій университетъ. И вотъ, къ Рождеству 1828 г., уже восемнадцатилѣтнимъ юношей, онъ уѣхалъ къ родителямъ въ Чембаръ и уже больше въ гимназію не возвращался, и его вычеркнули изъ списковъ.

Что̀ же вынесъ Бѣлинскій изъ своей жизни до поступленія въ университетъ; съ чѣмъ выступилъ, чтобы приготовить себя къ литературному поприщу, къ которому чувствовалъ истинное призваніе? Съ одной стороны, закалила и развила его тяжелая жизнь въ родительскомъ домѣ, а бѣдность стоически переносимая и имъ самимъ, и товарищами семинаристами въ Пензѣ, выучила терпѣнію и выносли-

вости, хотя, можетъ быть, и положила начало чахотки, только позадержавшейся до болѣе благопріятныхъ моментовъ развитія. Съ другой стороны, была прочитана масса книгъ и, какъ никакъ, получено систематическое гимназическое образованіе, котораго онъ не закончилъ формально только потому, что при своихъ способностяхъ взялъ его все цѣликомъ гораздо раньше товарищей. Но что̀ всего важнѣе,—Бѣлинскій еще въ гимназіи ознакомился съ крупнѣйшими писателями Запада, напр., Гете, Байрономъ, Шиллеромъ, Тацитомъ, Шекспиромъ, Бюффономъ, Гумбольдтомъ, а также и съ направленіемъ и духомъ литературъ, чего въ его годы были лишены и Пушкинъ, и Лермонтовъ, не говоря уже о почти невѣжественномъ нѣжинскомъ студентѣ—Гоголѣ.

Не забудемъ также, наконецъ, и вліянія на Бѣлинскаго Пензенскаго театра, который былъ любимѣйшимъ удовольствіемъ молодежи, ради котораго Бѣлинскій приберегалъ гроши, отказывая себѣ въ необходимомъ и даже дѣлая ради этого скромные займы.

Такимъ-то образомъ, Чембаръ и Пенза дали Бѣлинскому для поступленія въ университетъ и извѣстный нравственный закалъ, и развитіе, и знанія, и эстетическую любовь къ искусству. Бодро

смотрѣлъ впередъ въ жизнь этотъ бѣднякъ-пролетарій по матеріальному положенію, и богачъ по сложившемуся духовному міру, полный возвышенныхъ идеаловъ и пылкихъ надеждъ, самъ такой маленькій, тщедушный, худой, слабогрудый, бѣлокурый заморышъ, но съ удивительными голубыми глубокими глазами, поражавшими, какъ говорятъ его современники, до самой смерти его всякаго, и въ которыхъ, по словамъ Головачовой, близко его знавшей въ послѣдніе годы, бѣгали какіе-то странные, необыкновенные, огоньки.

Кое-какъ добрался Бѣлинскій до Москвы, и въ концѣ лѣта, выдержавъ прекрасно экзаменъ въ Московскій Университетъ, подалъ просьбу о принятіи его на казенное содержаніе; но приняли его только къ Рождеству, и какъ жилъ онъ за это время, страшно бѣдствуя, впроголодь, едва не исключенный изъ университета за неимѣніе форменнаго платья, знаетъ одинъ Богъ.

Университетъ въ это время, въ 1829 году, находился въ состояніи самомъ жалкомъ: ни одного, кромѣ Павлова, даровитаго, живого, изъ профессоровъ, которыхъ студенты не уважали и дѣлали имъ скандалы; чтеніе предметовъ науки по тетрадкамъ и по книжкамъ; безобразныя отношенія къ студентамъ начальства. Но молодежь, собранная съ раз-

ныхъ концовъ Россіи и возбужденная новымъ литературнымъ движеніемъ, главнымъ образомъ, комедіей Грибоѣдова, Пушкинымъ и Московскимъ Телеграфомъ Полевого, а также Московскимъ театромъ, гдѣ отличались Мочаловъ и Щепкинъ, создала себѣ свой особый способъ просвѣщенія. И вотъ, въ № 11 общежитія студентовъ, занимаемаго Бѣлинскимъ, образовался студенческій кружокъ, гдѣ и пошли горячіе дебаты о романтизмѣ и шеллинговскихъ эстетическихъ теоріяхъ, проводимыхъ съ каѳедры сначала единственнымъ живымъ профессоромъ М. Г. Павловымъ, а затѣмъ съ 1831 года Надеждинымъ, имѣвшимъ особенное вліяніе на Бѣлинскаго. Такъ какъ кружокъ 11-го номера начинаетъ собою исторію философскихъ и, позднѣе, соціально-общественныхъ кружковъ въ Россіи, игравшихъ такую большую роль въ исторіи нашего самосознанія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, то скажу нѣсколько словъ о ихъ значеніи. У двухъ крупныхъ русскихъ писателей, у Герцена и у Тургенева, дѣятельныхъ участниковъ этихъ кружковъ, мы встрѣчаемъ очень рѣзкое ихъ осужденіе, вызванное, какъ намъ кажется, отношеніями личными; но мы думаемъ о кружкахъ иначе. Нужно только вспомнить, какова была въ то время общественная атмосѳера, какими жалкими и личными, матеріаль-

ными, интересами жило русское общество, живо изображенное Грибоѣдовымъ, Гоголемъ и даже Пушкинымъ, чтобъ понять, что у насъ кружокъ являлся для молодежи, именно по своей обособленности, настоящимъ спасеніемъ отъ пошлости и единственнымъ почти средствомъ къ саморазвитію въ обществѣ, гдѣ молодежь могла только развращаться. Сильное вліяніе студенческаго кружка на умственное развитіе испыталъ на себѣ не одинъ Бѣлинскій. „Въ эпоху студенчества,—вспоминаетъ Аксаковъ,—первое, что̀ охранило молодыхъ людей, это—чувство товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только и слышна молодость человѣка, и хотя человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента. Главная польза такого общественнаго воспитанія, кажется мнѣ, заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ самомъ студенчествѣ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каж-

дый день, много двигали впередъ здоровую молодость".

Здѣсь то, въ этомъ одиннадцатомъ номерѣ Московскаго университета, и положилось основаніе знакомству Бѣлинскаго съ ученіемъ Шеллинга, которое позднѣе усвоилось имъ въ кружкѣ Станкевича, о коемъ скажемъ позже.

Но университетскому кружку въ одиннадцатомъ номерѣ пришлось просуществовать недолго. Увлеченный представляемыми съ Мочаловымъ на Маломъ театрѣ *Разбойниками* и *Коварствомъ и любовью* Шиллера и шекспировскимъ *Отелло*, Бѣлинскій написалъ въ 1831 году трагедію — *Дмитрій Калининъ*, гдѣ горячо порицалъ незыблемое въ то время крѣпостное право, и за нее въ 1832 году былъ исключенъ изъ университета, якобы за неспособность.

Бѣлинскій очутился буквально на улицѣ, безъ пристанища, безъ гроша денегъ,—даже казеннаго платья, обыкновенно предоставляемаго выходящимъ студентамъ, ему не оставили. Но идеалистъ не отъ міра сего, поселившійся гдѣ-то у земляковъ и пробивавшійся кое-какъ грошовыми уроками и такими же переводами романовъ съ французскаго, доставляемыми ему, кажется, Надеждинымъ, не унывалъ. „Я не пропаду нигдѣ и никогда,—писалъ онъ ро-

дителямъ, несмотря на всѣ гоненія жестокой судьбы: чистая совѣсть и нѣкоторая твердость въ характерѣ не дадутъ мнѣ погибнуть, и будущее не страшитъ меня".

А это ближайшее будущее, продолжавшееся цѣлыхъ два года, было ужасно. Слабогрудый энтузіастъ сталъ страдать одышкой, болью въ груди и кашлять. Въ 1834 году Лажечниковъ нашелъ его въ какомъ-то глухомъ переулкѣ въ жалкой каморкѣ, съ грязной лѣстницей надъ кузнецами и рядомъ съ прачешной, въ удушливой и праздной атмосѳерѣ. Хотѣлъ было добрѣйшій Лажечниковъ прочно устроить Бѣлинскаго въ одномъ аристократическомъ домѣ секретаремъ, но неисправимый юноша не вынесъ комфорта, покупаемаго приниженіемъ своей личности, и вскорѣ, въ одно прекрасное утро, исчезъ изъ дома, оставивъ его превосходительству записку, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря.

Чѣмъ же нравственно и умственно жилъ Бѣлинскій въ эти два года съ 1832 по 1834 г.? Жилъ онъ всецѣло за все это время кружкомъ Николая Владиміровича Станкевича, своего университетскаго товарища, сына богатаго воронежскаго помѣщика. Это былъ юноша способностей необыкновенныхъ, рѣдкой душевной чистоты, кроткій и

незлобивый, — то, что̀ называютъ нѣмцы *schöne Seele* — прекрасная душа. Съ дѣтства овладѣвшій прекрасно новѣйшими языками, основательно образованный, онъ рано пристрастился къ отвлеченной философіи, которая замѣняла ему дѣйствительный міръ, точно созданный не для него. Его друзья, благоговѣвшіе передъ его чистотой и знаніями, рисуютъ его какимъ-то существомъ не отъ міра сего, воздушнымъ, безтѣлеснымъ геніемъ, исполненнымъ граціознаго, тонкаго изящества, скромности, нѣжнаго, деликатнаго чувства. Этотъ-то оригинальный человѣкъ, рано умершій въ 1841 г. за границей, куда онъ поѣхалъ учиться, имѣлъ громадное вліяніе на весь свой кружокъ и особенно на Бѣлинскаго. Кружокъ этотъ носилъ отвлеченный философскій характеръ и почти исключительно занимался уразумѣніемъ Шеллинга, впослѣдствіи Гегеля, съ которыми знакомилъ членовъ Станкевичъ, болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и искатель высокихъ незыблемыхъ истинъ, артистическій идеалистъ, чуждый практической жизни. Къ этому-то кружку даровитыхъ людей, какъ, напр., Константинъ Аксаковъ, еще съ 1831 г., когда Станкевичъ жилъ въ университетѣ, у профессора Павлова, примкнулъ и Бѣлинскій, и въ эти два года, съ 1832 по 1834, отдался ему почти всецѣло. Всѣ члены этого

кружка были восторженные идеалисты и сентиментальные романтики, тѣсно связанные дружбой, не имѣвшіе между собою никакихъ тайнъ и взаимно контролировавшіе другъ друга. Они читали и разбирали современные журналы, особенно Телеграфъ, позже Телескопъ, и, зачитываясь Гофманомъ и его *Необычайными страданіями одного театральнаго директора*, были страстными поклонниками театра. Этотъ кружокъ Станкевича съ Бѣлинскимъ и Аксаковымъ, впослѣдствіи ярымъ славянофиломъ, былъ, такъ сказать, отвлеченнымъ, философскимъ, идеалистическимъ, но въ одно время съ нимъ существовалъ еще и другой кружокъ молодежи, почти исключительно богатой, гдѣ всецѣло царилъ Герценъ, авторъ романа „Кто виноватъ?“, повѣсти — Сорока воровка, Доктора Крупова, Записокъ одного молодого человѣка и др. Этотъ кружокъ носилъ характеръ болѣе реальный и интересовался науками положительными, естественными и политическими. Члены того и другого кружка сначала были между собою знакомы и дружны, но только приблизительно до второй половины тридцатыхъ годовъ, когда яснѣе обозначились взгляды на просвѣщеніе и Россію славянофиловъ и западниковъ.

Въ августѣ 1834 г. Надеждинъ пригласилъ Бѣлинскаго сотрудничать въ своемъ журналѣ, и въ

сентябрѣ того же года въ Молвѣ появилась первая статья Бѣлинскаго *Литературныя мечтанія*, съ съ которой и начинается первый періодъ дѣятельности критика, продолжавшійся съ 1834 по 1836 годъ. Этотъ періодъ можно назвать, съ одной стороны, чисто *шеллингическимъ*, такъ какъ Бѣлинскій приложилъ здѣсь историческій тезисъ Шеллинга о національности ко всей русской литературѣ; съ другой стороны — онъ прилагаетъ здѣсь къ оцѣнкѣ жизни индивидуальную личную нравственность,—божественный законъ морали, который управляетъ человѣчествомъ. Дебютъ критика былъ блистателенъ. Статья поразила и формой, и содержаніемъ и необыкновеннымъ по горячности и искренности паѳосу. Эта, почти лирическая, элегія въ прозѣ, сравнительно съ Надеждинымъ, Полевымъ и вообще московскими шелленгистами, не говорила почти ничего новаго; но философія Шеллинга никѣмъ еще до Бѣлинскаго не излагалась въ печати такъ полно и ясно; никѣмъ съ такою послѣдовательностью не прилагалась къ русской литературѣ, которая, какъ органическое цѣлое, послѣдовательно развивающееся, Бѣлинскимъ отверглась вовсе. Но что̀ въ статьѣ было совсѣмъ ново, что̀ привело всю молодежь въ истинный восторгъ — это страстный паѳосъ автора, его огненный, о̀бразный языкъ, его

горячая вѣра въ то, что̀ онъ говоритъ; и особенно искренняя любовь къ искусству, къ театру, къ ближнему своему, къ человѣчеству, къ родинѣ— та всепобѣждающая любовь, которой не было въ такой мѣрѣ даже у Полевого и вовсе не было у холоднаго діалектика Надеждина. Этотъ первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго особенно дышетъ свѣжестью мысли и горячностью юношескаго чувства. Въ *мечтаніяхъ* онъ уже признаетъ сатиру Грибоѣдова, выдѣляетъ Державина, Пушкина и Крылова и прямо говоритъ: для того, чтобъ явилось у насъ искусство, для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ выразилась бы физіономія могучаго русскаго народа, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ. Въ этотъ же періодъ горячо привѣтствуетъ Бѣлинскій Гоголя, и, кромѣ правдивой оцѣнки многихъ другихъ писателей, является пламеннымъ проповѣдникомъ высокой морали и просвѣщенія, во имя которыхъ онъ яростно обрушивается на пустыхъ свѣтскихъ людей за ихъ невѣжество и умственную убогость, на продажныхъ журналистовъ и писателей, торгующихъ своей совѣстью. О такихъ вещахъ, и такъ прямо и горячо, съ русской публикой до Бѣлинскаго не говорилъ еще никто и никогда, и съ

первой же статьи Бѣлинскій создаетъ себѣ, съ одной стороны, ярыхъ враговъ въ журналистикѣ и высшихъ сферахъ; съ другой—восторженныхъ поклонниковъ въ лицѣ молодежи, которая изъ бальныхъ залъ, отъ картъ, кутежей, дебашей и волокитства, начинаетъ стремиться въ библіотеки и аудиторіи, принимается за Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и нашего Пушкина.

Какъ примѣръ въ этой первой статьѣ Бѣлинскаго его необыкновеннаго паѳоса, приведемъ его тираду о двухъ дорогахъ, которыя предстоитъ выбрать юношеству:—„И такъ вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути, отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами свое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я*, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства! Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь: — плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды; не бойся зла, когда оно принесетъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рож-

денъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи змѣей между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ и голодъ, что такое угнетеніе и оскорбленіе; все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отовсюду лесть и хваленіе, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогами, а журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, что вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтскомъ пиру, и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около него адскую пляску и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними предсмертными страданіями, что передъ твоими взорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ! Э, любезный мой, ты правъ: жизнь — сонъ, и не увидишь, какъ пройдетъ!.. Зато весело поживешь,

сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего-нибудь да стоитъ!“

Послѣ первой своей статьи Бѣлинскій сталъ писать для Телескопа и Молвы очень много; но Надеждинъ платилъ ему гроши и денежныя дѣла критика, на рукахъ котораго былъ еще братъ и племянникъ, были плачевны. Въ маѣ 1835 г. Надеждинъ уѣхалъ за границу и совсѣмъ передалъ журналъ Бѣлинскому, который тотчасъ же превратилъ его въ критическій журналъ съ строго эстетическимъ направленіемъ, давъ до декабря статьи о Гоголѣ, Бенедиктовѣ, Баратынскомъ и Кольцовѣ. Успѣхъ журнала былъ чрезвычайный; но враги росли по часамъ, и къ числу ихъ присоединился даже и Пушкинъ съ своими петербургскими аристократическими друзьями, напр., Кн. Вяземскимъ, оскорбленный неблагопріятнымъ отзывомъ критика о своихъ сказкахъ, въ которыхъ видѣлъ Бѣлинскій поддѣлку подъ народную поэзію.

Въ концѣ 1836 года Телескопъ, въ самый разгаръ дѣятельности Бѣлинскаго, былъ прекращенъ, и Бѣлинскій снова остается безъ куска хлѣба, пробиваясь кое-какъ со дня на день цѣлыхъ два года, до 1838 г., когда наступаетъ второй, мрачный, періодъ его дѣятельности, продолжавшійся до 1841 года. Это періодъ заблужденія, за которымъ слѣ-

довало горькое мучительное раскаяніе; это—періодъ крайняго увлеченія философіей, который можно сравнить у Бѣлинскаго съ тяжкой болѣзнью, которая, не сломивъ его, великой по духу, натуры, окончательно закалили ее, чтобы онъ, подобно принцу Генриху у Шекспира, могъ сказать про себя:

„Такъ я, отрекшись отъ прежняго и выплативъ сполна свой долгъ, на столько же превзойду надежды міра, на сколько я на самомъ дѣлѣ лучше того, чѣмъ я кажусь. Какъ металлъ горитъ свѣтлѣй на потускнѣвшемъ грунтѣ, такъ юность обновленная моя, надъ старыми ошибками сверкая, покажется тѣмъ лучше и свѣтлѣй“.

Вступленію Бѣлинскаго въ литературу снова, въ 1838 г., предшествовалъ періодъ усвоенія имъ гегелизма въ одностороннемъ и ложномъ его пониманіи. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. То, что̀ для кружка богатаго помѣщика Станкевича было дѣломъ своего рода развлеченія, такъ сказать, аристократическаго спорта, теоріи, то для бѣдняка Бѣлинскаго было роковымъ вопросомъ жизни, безъ рѣшенія котораго онъ жить не могъ. Его друзья искали въ философіи истины изъ любви къ искусству, платонически, какъ любители-гастрономы, ее смакуя и и живя себѣ по своему, какъ хотѣли—такъ Бѣлинскому истина нужна была, какъ насущный хлѣбъ,

какъ вѣра, по которой онъ хотѣлъ именно дѣйствовать, жить, служить литературой своей родинѣ и проповѣдывать эту вѣру. Какъ султанъ Саладинъ, въ лессинговскомъ Наѳанѣ Мудромъ, онъ, Бѣлинскій, „*во что бы то ни стало требовалъ правды, притомъ, наличной, ясной, какъ монета*". Такой монетой показался ему въ увлеченіи Гегель, онъ сталъ прикладывать свою новую вѣру къ жизни—и довелъ этого Гегеля до абсурда, чтобы затѣмъ тѣмъ скорѣе отъ него отдѣлаться.

Мы уже говорили о философскихъ упражненіяхъ кружка Станкевича надъ Шеллингомъ, но болѣе серьезное изученіе его началось не ранѣе 1835 г., съ котораго Бѣлинскій все болѣе и болѣе погружается на ряду съ литературой, въ отвлеченное мышленіе; съ прекращеніемъ же Телескопа невозможность журнальной работы еще больше способствуетъ его крайнему отрѣшенію отъ настоящей дѣйствительной, реальной, жизни съ ея тревогами и нуждами. Въ серединѣ 1837 года здоровье его становится особенно плохо, и только помощь его друзей, Боткина, К. Аксакова и Ефремова, доставила ему возможность нѣсколько поправиться лѣтомъ на Кавказѣ. Но еще раньше поддержали его матеріально новые друзья, милая и радушная семья Бакуниныхъ, у которыхъ въ деревнѣ провелъ Бѣлинскій нѣсколько

мѣсяцевъ лѣтомъ и осенью 1836 года; здѣсь-то на покоѣ и ознакомился онъ съ ученіемъ Гегеля, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ старшаго сына Бакуниныхъ, Михаила Бакунина, отставного артиллерійскаго офицера, энтузіаста и блестящаго діалектика. У Бакуниныхъ же гостилъ и Боткинъ, поклонникъ чистаго искусства для искусства, внѣ современности, въ духѣ Пушкинскаго поэта, *„рожденнаго не для поученія черни, не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ, но для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“*. Цѣлые дни и ночи проводили друзья въ горячихъ спорахъ о философіи и искусствѣ, и все въ мірѣ и въ жизни, кромѣ этой философіи и искусства, для нихъ перестало существовать. Въ философіи стали они искать не только разрѣшенія всѣхъ тайнъ бытія, но даже и простѣйшихъ житейскихъ, мелочей, объясняемыхъ простымъ здравымъ смысломъ. Самое пустое чувство, не говоря уже о любви къ женщинѣ, трактовалось съ точки зрѣнія отвлеченныхъ безжизненныхъ формулъ и теряло всякій человѣческій смыслъ. Это настроеніе охватило скоро и весь московскій кружокъ и дошло до проявленій самыхъ комическихъ. Въ Сокольники, напр., человѣкъ шелъ не просто гулять, а для того, чтобы *отдаться пантеистическому чувству своего единенія съ космосомъ;* съ пьяной

же бабой или солдатомъ философъ К. Аксаковъ бесѣдовалъ для того, чтобы *„опредѣлить народную субстанцію, въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи“*. Слеза выражала *трагическое* въ сердцѣ. Въ Фаустѣ Гете интересовались не первою частью, живою и художественною, а второй, не совсѣмъ ясной и до сихъ поръ; въ самой музыкѣ искали не музыки, не звуковъ, а *философіи* звука. Если прибавить къ этому еще то, что всѣ эти дебаты велись на тарабарскомъ, полурусскомъ, языкѣ изъ латинскихъ словъ съ русскими окончаніями, что слово *абсолютъ*, по словамъ Лажечникова, слышалось даже изъ женскихъ устъ,—можете себѣ предстевить, до какого сумбура дошли въ это время наши доморощенные философы, относившіеся съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ, кто, надъ ними, напр., Герценъ, смѣялся. Въ результатѣ, наконецъ, явилось полное примиреніе съ дѣйствительностью, какова бы она ни была, такъ какъ она не что иное, какъ *законное проявленіе абсолютной божественной идеи.*

Такой странный, доведенный до абсурда, выводъ, явился слѣдствіемъ односторонняго и неправильнаго толкованія философіи Гегеля, которая, въ общихъ чертахъ, приблизительно состоитъ въ слѣдующемъ.

Все существующее, весь міръ, а слѣдовательно и всякое явленіе, и всякій человѣкъ, есть не что,

какъ постепенное развитіе абсолютной, единой идеи, которая для того, чтобъ осуществиться, проходитъ три ступени или фазы.

1) Идея въ покоѣ, еще не осуществленная, пребывающая въ безсознательномъ состояніи, сама въ себѣ, какъ бы только предчувствуемая —это *теза.*

2) Идея ищетъ выхода изъ покоя, хочетъ осуществиться, но осуществляется не вдругъ, а впадаетъ въ противорѣчія, въ заблужденія, пока не выразится окончательно въ явленіи. Это переходная ступень—*антитеза.*

3) Всѣ противорѣчія возсоединились, пришли къ соглашенію, и идея является въ полномъ блескѣ своего осуществленія, вполнѣ сознанная разумомъ— это окончательный, искомый *синтезъ.*

Изъ этого-то ученія и вытекло знаменитое положеніе Гегеля: *все, что дѣйствительно, то и разумно, и что разумно, то дѣйствительно*, изъ котораго оправдывалась, на основаніи антитезы, даже реакція тогдашней прусской монархіи и прусскій, гимназическій, исключительный, классицизмъ, милитаризмъ и т. п. Все, что ни совершается, какъ бы оно ни было ужасно, оно вполнѣ естественно и разумно, такъ какъ оно не что иное, какъ преходящая необходимая *антитеза*, законное развитіе разумной идеи, которая, безъ этой временной анти-

тезы, не можетъ осуществиться. Поэтому-то и возмущаться зломъ нечего, ибо оно только временно и вполнѣ законно. Вотъ такъ-то именно и поняли Гегеля наши философы, упуская изъ виду одно, что не всякая дѣйствительность вмѣстѣ съ тѣмъ и разумна, хотя и является естественнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ, которыя, разъ сознавъ, можно постараться и устранить. Увлекшись этимъ то неправильнымъ толкованіемъ Гегеля, въ которомъ Бѣлинскому видѣлась новая вѣра, обѣтованная земля послѣ всѣхъ треволненій ищущаго истины пытливаго разума, и довелъ онъ московское толкованіе философа въ своихъ статьяхъ второго періода дѣятельности отъ 1838—1841 годъ до абсурда, и тѣмъ самымъ убилъ такое толкованіе въ Россіи навсегда.

И такъ, оправданіе всей существующей дѣйствительности и оправданіе именно на основаніи философской доктрины; требованіе отъ искусства спокойнаго, величаваго, олимпійскаго служенія красотѣ—вотъ девизъ второго мрачнаго періода дѣятельности Бѣлинскаго, по тому же Гегелю, антитеза всей жизни—критика.

Въ 1838 г. кружокъ Станкевича для пропаганды своихъ гегеліанскихъ идей пріобрѣлъ въ свои руки захудалый журналъ—Московскій Наблюдатель, и редакторомъ его сталъ Бѣлинскій. Здѣсь-то и

разразился онъ въ продолженіе полутора лѣтъ до лѣта 1839 г., когда журналъ прекратился по недостатку подписчиковъ, цѣлымъ рядомъ статей, отъ которыхъ впослѣдствіи открещивался, стыдясь и обижаясь, когда кто-нибудь о нихъ напоминалъ. Здѣсь восхвалялъ Бѣлинскій Гёте именно за его олимпійскую объективность, вмѣстѣ съ тѣмъ унижая Шиллера именно за его субъективную страстность къ современности; превозносилъ Пушкина за его примиреніе съ чистымъ искусствомъ въ послѣдніе годы жизни; въ самомъ даже Гоголѣ старался онъ видѣть чистаго объективнаго художника, напр., въ Ревизорѣ, и особенно обрушился не только на Жоржъ-Зандъ и Гюго за ихъ общественное направленіе, но и порицалъ за легкомысліе и критическое отношеніе къ религіи и политикѣ весь французскій народъ. Здѣсь же, въ Москвѣ, въ 1839 г. написаны Бѣлинскимъ двѣ наиболѣе характерныя въ этомъ періодѣ статьи—„*Менцель—критикъ Гете*“, гдѣ онъ обрушивается на нѣмца за дерзость порицанія Гёте за его олимпійство, и другая, еще болѣе странная, статья *Бородинская годовщина* съ диѳирамбомъ русской политической и общественной современной дѣйствительности.

По прекращеніи Наблюдателя петербургскій сотрудникъ Отечественныхъ Записокъ, пріобрѣтен-

ныхъ только-что отъ Свиньина А. А. Краевскимъ, Ив. Ив. Панаевъ, засталъ Бѣлинскаго въ самомъ печальномъ матеріальномъ положеніи и едва ли еще не худшемъ—нравственномъ. Вмѣсто примиренія, онъ вступилъ съ этой философіей въ окончательный разладъ съ самимъ собой и со всѣмъ окружающимъ. „Берите меня изъ Москвы,—раздраженно и взволнованно говорилъ онъ Панаеву, звавшему его въ Петербургъ,—мнѣ эта жизнь надоѣла, Москва опротивѣла!“

Въ іюнѣ Краевскій, которому ровно никакого дѣла до направленія не было, а которому былъ только важенъ даровитый сотрудникъ, пригласилъ Бѣлинскаго за 1000 р. въ годъ, постояннымъ сотрудникомъ-каторжникомъ, и въ октябрѣ 1839 г. Бѣлинскій переселился въ Петербургъ съ готовыми статьями о Менцелѣ и Бородинской годовщинѣ, которыя и были напечатаны въ 1840 году въ Отечественныхъ Запискахъ, гдѣ въ этомъ же году появилась статья о Горѣ отъ ума, въ которой, какъ будто бы только сатирѣ, онъ отрицалъ даже вовсе художественное значеніе.

Петербургъ, хотя не вдругъ, совсѣмъ отрезвилъ Бѣлинскаго. Казарменный городъ военщины и бюрократіи, строгой цензуры не только печатнаго, но и живого слова, словомъ, весь этотъ удушливый пе-

тербургскій режимъ жизни, наступившій подъ вліяніемъ европейскихъ событій, ясно показалъ ослѣпленному энтузіасту всю разумность существующей дѣйствительности, дававшей себя знать на каждомъ шагу. А тутъ еще со всѣхъ сторонъ слышалъ онъ очень рѣзкія возраженія и порицанія за высказываемые въ статьяхъ взгляды, и разъ дѣло дошло до того, что въ одномъ обществѣ какой-то офицеръ не хотѣлъ даже подать ему руки. Началась въ Бѣлинскомъ страшная нравственная ломка, стоившая ему не мало горечи и здоровья и мучившая его чуть не до конца жизни; но изъ всѣхъ сомнѣній и увлеченій гегелизмомъ вышелъ этотъ удивительный здоровякъ духомъ и борецъ за истину полнымъ побѣдителемъ, а съ 1841 года наступаетъ послѣдній, блестящій, періодъ его дѣятельности. Онъ уже вполнѣ ясно провозглашаетъ принципъ реальной исторической критики въ приложеніи ея и къ литературѣ, и къ жизни, а правду, и только правду, ставитъ первымъ и главнѣйшимъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія. Величайшимъ писателемъ русскимъ съ этого времени становится для него Гоголь, котораго отмѣтилъ онъ еще въ Телескопѣ и на котораго за Ревизора, и особенно Мертвыя души, почти молилси. Окончательному отрезвленію Бѣлинскаго способствовало еще и то, что онъ вы-

шелъ изъ замкнутаго московскаго кружка (Станкевичъ умеръ за границей въ 1841 г.), встрѣтился съ многими людьми совсѣмъ другого образа мысли и ознакомился близко съ общественными, соціальными теоріями и современной французской литературой, открывшей ему глаза на многое и въ русской жизни. Туманъ разсѣялся; солнце великаго разума Бѣлинскаго взошло окончательно, чтобы зайти только съ его смертью.

Не многосложна, какъ и въ Москвѣ, внѣшними событіями его петербургская жизнь; но внутренняя, кажется, полна и разнообразна еще больше. Нужно перечитать его письма, изъ которыхъ намъ извѣстна только малая часть, чтобъ видѣть, сколько и о сколькомъ онъ передумалъ, чѣмъ жилъ умственно и какимъ писателемъ могъ бы быть, еслибъ онъ могъ печатать все, что хотѣлось, и что высказать Россіи требовала его совѣсть и талантъ. Въ одномъ, кромѣ отношенія къ реальной поэзіи, удалось высказаться Бѣлинскому,—это въ отрицаніи славянофиловъ, которые къ началу сороковыхъ годовъ отдѣлились отъ западниковъ, и съ которыми онъ велъ самую ожесточенную, непримиримую, полемику.

Въ Отечественныхъ Запискахъ, гдѣ, кстати сказать, издатель Краевскій эксплуатировалъ его трудъ страшно, образовался около Бѣлинскаго талантливѣй-

шій кружокъ западниковъ, людей сороковыхъ годовъ, Искандеръ, Боткинъ, московскій сотрудникъ Грановскій; позже къ Бѣлинскому примкнули: Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Кавелинъ, Вл. Милютинъ, Дружининъ, Достоевскій и друг. Въ этомъ-то кругѣ, въ этой новой живой атмосферѣ и вращался Бѣлинскій до самой смерти, работая сверхъ силъ, до того, что даже, вернувшись въ 1843 г. отъ вѣнца изъ церкви, долженъ былъ, по разсказу г-жи Головачевой *(Русскіе артисты и писатели)*, сейчасъ же сѣсть за работу. На этой-то работѣ и надломился слабый и расшатанный ранней нуждой и нервной воспріимчивостью организмъ Бѣлинскаго.

Послѣднимъ, самымъ крупнымъ, событіемъ жизни его было пріобрѣтеніе въ 1847 г. Некрасовымъ и Панаевымъ журнала Современникъ, куда перешли изъ Отечественныхъ Записокъ всѣ лучшія силы. Съ страстнымъ увлеченіемъ принялся онъ работать для хорошаго и „своего“ журнала, гдѣ чувствовалъ себя хозяиномъ; но здоровье становилось все хуже и хуже. Какъ громомъ, поразила его странная книга Гоголя— *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, и онъ, перепечатавъ въ Современникѣ извѣстныя статьи Павлова изъ Московскихъ Вѣдомостей, самъ написалъ на нее рецензію, гдѣ горячо порицалъ автора.

Въ началѣ мая уѣхалъ Бѣлинскій, благодаря помощи друзей, заграницу; но она мало его поправила, и онъ все стремился на родину, къ любимому дѣлу. Заграницей получилъ онъ отъ Гоголя высокомѣрное письмо, на которое и отвѣчалъ пространно самъ. Это его письмо, написанное кровью, и по силѣ и яркости превосходящее все, что когда-нибудь писалъ онъ въ полемическомъ родѣ, извѣстно по большимъ выпискамъ въ книгѣ академика Пыпина— „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". Понятно, какъ должно было поразить оно тоже больного адресата; но нужно только сообразить, чѣмъ былъ для Бѣлинскаго Гоголь за всю его дѣятельность; довольно вспомнить, какъ, можно сказать, молился на него критикъ, чтобъ понять, если не оправдать, жестокость упрековъ, вызванныхъ въ самомъ дѣлѣ дикостью мыслей Гоголя, который звалъ мужика „неумытымъ рыломъ", и подъ личиной христіанина проповѣдывалъ помѣщику бить крестьянина и другія, самыя мрачныя, вещи. Письмо это, страшно угнетавшее больного Бѣлинскаго, едва не было источникомъ великихъ бѣдъ для него самого и послужило таковымъ послѣ его смерти для нѣсколькихъ его почитателей, имѣвшихъ списокъ письма.

Вернувшись въ Петербургъ, Бѣлинскій простудился, и становилось ему все хуже и хуже; но ра-

боты онъ не прекращалъ почти до самой смерти. Онъ медленно умиралъ на рукахъ жены и малютки дочери въ маленькой квиртиркѣ на Лиговкѣ, въ домѣ Галченкова, близъ вокзала Николаевской дороги. Вотъ какъ разсказываетъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ въ началѣ мая 1848 г. Панаевъ.—„Къ веснѣ болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухли, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость.

„Я разъ зашелъ къ нему утромъ (въ маѣ)—разсказываетъ далѣе Панаевъ;—на дворъ подъ деревья вынесли диванъ, и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ; онъ сидѣлъ на диванѣ, опустя голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ:

— „Плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!

„Я началъ-было нѣсколько словъ въ утѣшеніе; но онъ перебилъ меня.

— „Полноте говорить вздоръ.

„И снова, молча и тяжело дыша, опустилъ голову. Я не могу высказать, какъ мнѣ было тяжело

въ эту минуту... Я начиналъ заговаривать съ нимъ о разныхъ вещахъ, но все какъ-то неловко; да и Бѣлинскаго, кажется, уже ничто не интересовало... Все кончено!.. думалъ я".

26 мая 1848 г. въ 6 ч. утра Бѣлинскаго не стало. Семья осталась безъ средствъ.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ трудовой жизни этого, сгорѣвшаго на работѣ землѣ русской, нашего незабвеннаго и добраго наставника, чей бронзовый образъ возвышается передъ нами [1]. Всѣ мы, сошедшіеся сюда въ его память, и старые, и молодые, всѣ ему обязаны. Старые учились изъ его книгъ; молодые учатся изъ нихъ же, если не прямо, то изъ его мыслей благородныхъ и возвышенныхъ, имъ разъясненныхъ и пущенныхъ въ оборотъ на пользу просвѣщенія въ учебникахъ и литературѣ. Женщина русская обязана ему горячей защитой своихъ человѣческихъ правъ, о которыхъ онъ возгласилъ едва ли не первый; освобожденный крестьянинъ, когда узнаетъ путемъ школы его имя, вспомнитъ о немъ съ благодарностью, такъ какъ онъ, на сколько можно было, говорилъ за раба, котораго человѣческія права попирались крѣпостнымъ

[1] На лекціи стоялъ бюстъ В. Г. Бѣлинскаго работы Ге.
В. О.

правомъ; школа, еще раньше Пирогова и Ушинскаго, нашла въ немъ защиту гуманности, любви къ ребенку. Какъ писатель, онъ училъ мыслить, какъ человѣкъ, училъ любить мысль—въ этомъ его сила и симпатичность. Съ горькимъ отчаяніемъ за будущее Россіи помиралъ полстолѣтія назадъ этотъ, хилый тѣломъ и колоссъ духомъ, страдалецъ, и самое его имя, по прискорбнѣйшему недоразумѣнію, было въ опалѣ до самаго 1856 г., когда его назвалъ въ своей статьѣ одинъ изъ его достойныхъ преемниковъ. Это было въ то время, когда надъ Россіей занималась заря великихъ реформъ, до которыхъ не дожилъ покойный.

Порадуемся же, что намъ пришлось дожить до публичнаго, благодарнаго, открытаго, чествованія его полувѣковой памяти, и будемъ изъ примѣра этого Бѣлинскаго вѣрить, что сѣмена, посѣянныя на вспаханной трудовымъ потомъ и кровью, хотя бы и каменистой, почвѣ, раньше или позже взойдутъ и принесутъ родинѣ плоды.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

(19 марта).

Заслуги Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ писателей XVIII вѣка.—Оцѣнка пяти крупнѣйшихъ писателей: Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Кольцова.—Оцѣнка писателей второстепенныхъ, какъ Загоскина, Марлинскаго, Бенедиктова, Баратынскаго и многихъ другихъ.—Отношеніе Бѣлинскаго къ театру.—Оцѣнка игры Мочалова, Каратыгина и Щепкина и выясненіе значенія Шекспира, особенно Гамлета.—Воспитательныя идеи Бѣлинскаго въ смыслѣ религіозномъ, патріотическомъ и моральномъ вообще.—Заключеніе—о великомъ значеніи Бѣлинскаго, главнымъ образомъ какъ критика всей русской литературы и уподобленіе его до нѣкоторой степени Лессингу. — Состояніе нѣмецкой и русской литературы при появленіи обоихъ критиковъ, одинаковыя руководящія начала и ихъ полемическій страстный характеръ, искренность и благородство убѣжденій.

Милостивые Государыни и Государи!

На первой лекціи старался я указать на тѣ условія литературныя и, отчасти, общественныя, а также и философскія вѣянія, среди которыхъ выступилъ и дѣйствовалъ Бѣлинскій въ литературѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сдѣлалъ общій обзоръ его жизни, обозначивъ три періода его дѣятельности: 1834—1836 г. — юношескій, романтически-моральный; 1838—1841 г.—увлеченіе односторонне понятымъ гегелизмомъ, и третій—съ 1841—1848, когда проявился геній Бѣлинскаго во всемъ блескѣ реальнаго пониманія литературы и жизни. Въ настоящей лекціи я постараюсь опредѣлить его *общую физіономію и характеръ какъ писателя*, а также и заслуги его какъ *критика* и *педагога*.

„Бѣлинскій, по мнѣнію Гончарова, былъ одной изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ“,—и съ этимъ едва-ли можно не согласиться. „Отвлеченіе,—говоритъ самъ про себя Бѣлинскій въ одномъ письмѣ,—не моя сфера. Мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ мысли собственно, я играю роль слишкомъ неблестящую. Моя сфера—огненныя слова и образы живые. Тутъ мнѣ просторно и хорошо. Моя сила, мощь въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому я никогда не откажусь отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самого себя“.

И въ самомъ дѣлѣ, у Бѣлинскаго оказываются

наиболѣе слабыми именно тѣ статьи, гдѣ онъ вдается въ отвлеченныя философскія разсужденія, и наиболѣе сильными тѣ, гдѣ говоритъ онъ непосредственно о жизни, о животрепещущихъ вопросахъ, его волнующихъ, объ искусствѣ и выражаемыхъ имъ образахъ. Это была натура, богато одаренная фантазіей, но подчинявшая ее себѣ силою ума и вся ушедшая въ сферу производительной дѣйствительности. Не одной только натурѣ художника принадлежитъ избытокъ фантазіи и чувства; творитъ не только художникъ, но и ученый, открывающій новыя истины, какъ Ньютонъ и Фультонъ; только хрдожники—живописцы, поэты, актеры творятъ въ мірѣ образовъ; ученый же, одаренный силой фантазіи и чувства, создаетъ цѣлыя, новыя, наглядныя системы знаній, да и самую науку согрѣваетъ и освѣщаетъ чувствомъ. Вотъ къ такимъ-то художникамъ научнаго, такъ сказать, слова,—художникамъ наглядной популяризаціи науки и поэзіи, вообще искусства, и принадлежалъ Бѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ лучшія статьи его отличаются необыкновенно красивой формой, поразительной яркостью, часто прямо поэтической образностью языка, мастерскими характеристиками поэтовъ и ихъ образовъ и типовъ, не говоря уже о субъективной горячности, а иногда, по-истинѣ, огненнымъ, вдохновеннымъ, красноpѣ-

чіемъ. Статьи Бѣлинскаго по формѣ и изложенію напоминаютъ лучшихъ эссеистовъ запада, напр., Маколея, Вальтера Скотта, Сенъ-Бева, Тэна; у насъ—Грановскаго и Кудрявцева, а изъ критиковъ позднѣйшихъ въ этомъ отношеніи можно указать только, до нѣкоторой степени, на Аполлона Григорьева, Дружинина, и особенно Добролюбова. Всѣ они, такъ сказать, выросли въ его школѣ; но какъ далеко имъ, даже Добролюбову, до своего учителя! Въ этой художественной способности Бѣлинскаго всецѣло проникаться предметомъ, входить въ него и выражать свои мысли прочувствованно, въ такихъ яркихъ краскахъ—сила Бѣлинскаго, которою онъ покоряетъ себѣ читателя. *Такъ*, какъ писалъ Бѣлинскій, не писалъ *ни одинъ* изъ русскихъ критиковъ и публицистовъ; развѣ одинъ Герценъ можетъ быть поставленъ съ нимъ наравнѣ въ отношеніи формы и горячаго слова убѣжденія. Бѣлинскій и въ статьяхъ своихъ, и въ письмахъ былъ не только критикъ, не только литераторъ, публицистъ,—это былъ прирожденный трибунъ, вдохновенный, искренній, проповѣдникъ истины, пока таковою онъ ее считалъ, не боясь, разубѣдившись въ ней, смѣло отъ нея отказаться. — Это былъ своеобразный боецъ, вышедшій одинъ бороться съ невѣжествомъ и неправдой своей родины, — не-

правдой въ искусствѣ, въ общественной жизни, въ пониманіи основныхъ моральныхъ и соціальныхъ истинъ. А вышелъ онъ на борьбу среди самыхъ ужасныхъ условій тогдашней жизни, едва начавшей кое-гдѣ только просыпаться, темной гоголевской Руси. Такъ выходили биться въ поле въ одиночку противъ цѣлой рати враговъ древніе могучіе богатыри — Ильи Муромцы. И не только избивалъ онъ враговъ, не только разрушалъ неправду, уничтожалъ, отрицалъ ее — нѣтъ, Бѣлинскій и въ искусствѣ, и въ воспитаніи, и въ понятіяхъ моральныхъ, общественныхъ, на мѣстѣ разрушеннаго прочно созидалъ новую правду, которой живемъ мы и теперь, черезъ полвѣка съ его кончины.

Отмѣтивъ художественную форму и общій характеръ статей Бѣлинскаго, обратимъ вниманіе на его особенности, какъ критика.

Прежде всего и важнѣе всего другого — это его громадное эстетическое чутье красоты, добра и истины—правды, его эстетическій вкусъ, какого не было ни у Полевого, ни тѣмъ болѣе, у Надеждина. Красоту, истинную художественность, онъ умѣлъ провидѣть даже въ совсѣмъ неизвѣстныхъ авторахъ; отъискивать какой-нибудь одинъ-два хорошихъ стиха среди жалкихъ виршей, правдивую

сценку, штрихъ характера въ надутой, повидимому, совсѣмъ плохой, повѣсти;—умѣлъ, по первой попыткѣ угадать талантъ, имѣющій развернуться въ будущемъ. Не забудемъ, что и на Тургенева, и на Гончарова, и на Достоевскаго, и на Григоровича и на Майкова указалъ именно Бѣлинскій, а оцѣнка Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Кольцова такъ глубока и мѣтка, что и до сихъ поръ, черезъ полвѣка, къ ней, въ сущности-то, нечего и прибавить.

Второе замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика,—это ясное пониманіе того, что стоитъ на очереди,—пониманіе момента. Такъ, во время и въ пору, опредѣляя значеніе и смыслъ истинной поэзіи, онъ яростно ополчается на ложно величавую школу Кукольника, Бенедиктова, Загоскина и другихъ, противопоставляя имъ поэтовъ истинныхъ, какъ Кольцовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Полежаевъ, какъ чистый художникъ, Майковъ, какъ правильный живописецъ жизни—Гоголь. Въ эпоху увлеченія Каратыгинымъ съ его искусственнымъ паѳосомъ онъ противопоставляетъ ему Мочалова, которому, ради его естественности, правды, прощаетъ недостатки, и особенно выдвигаетъ художественно правдивую игру Щепкина; во-время упрекаетъ онъ за индефферентизмъ и наклоненіе къ чистому искусству и самого Пушкина; что же касается славянофиловъ,

то онъ обрушился на нихъ такъ безпощадно именно тогда, когда они явились проповѣдниками мрака древней Руси и призрачныхъ, безпримѣрныхъ, русскихъ доблестей, на счетъ европейскаго. общечеловѣческаго просвѣщенія, которое составляло для Бѣлинскаго его святую святыхъ.

Онъ былъ нетерпимъ къ нимъ, безпощаденъ,— но зато вспомнимъ, что̀ же, и въ какой моментъ милитаризма и реакціи, они и проповѣдывали!? Дѣло для Бѣлинскаго было выше всего, и онъ, строгій къ себѣ и чрезвычайно скромный, тѣмъ сильнѣе пошелъ на нихъ, а позже, даже на своего кумира, Гоголя, за его переписку! А вѣдь такая открытая полемика съ славянофилами была очень небезопасна, и знаменитое письмо къ Гоголю, можетъ быть, болѣе всего навлекло на Бѣлинскаго опасное обвиненіе въ неблагонамѣренности, которое едва снято съ этого благонамѣреннѣйшаго человѣка и истиннаго патріота, страстно любившаго и Россію и народъ, какъ мать любитъ свое родное дитя— только въ наши дни.

Принципъ критической дѣятельности Бѣлинскаго былъ убѣжденный идеализмъ, т.-е. страстное поклоненіе обоснованнымъ имъ и излюбленнымъ понятіямъ. Изъ противорѣчія-то этимъ идеаламъ и вытекало его страстное отношеніе къ противникамъ.

Этотъ идеализмъ вынесъ Бѣлинскій еще изъ бесѣдъ съ отцомъ, изъ юныхъ дебатовъ студенческаго 11-го номера, изъ чистаго и возвышеннаго по своимъ стремленіямъ кружка Станкевича; утвержденіе, уясненіе, очищеніе и оправданіе этого идеализма нашелъ онъ въ бесѣдахъ съ умнѣйшими людьми новаго кружка въ Петербургѣ, гдѣ отвлеченная философія, совлекши съ себя все ложное и одностороннее, уже прилагалась къ реальной критикѣ реальной же, дѣйствительной, но отнюдь не разумной, жизни. „Во имя своего идеала,—говоритъ Тургеневъ,—Бѣлинскій провозглашалъ художественное призваніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого же идеала привѣтствовалъ онъ и лермонтовскій протестъ и гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, — наши, такъ называемыя, славы, на которыя онъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія“.

Что же это былъ за идеалъ? Этотъ идеалъ именуется часто забываемыми и ложно толкуемыми словами: *наука*, *прогрессъ*, *гуманность*, *цивилизація*. Всѣ эти понятія сливались у Бѣлинскаго въ одно понятіе—*западъ*, какъ источникъ свѣта для пребывающей во тьмѣ цѣлые вѣка родины, которая не-

обходимо должна, ради собственнаго своего блага— даже просто, наконецъ для человѣческаго, а не варварскаго, своего собственнаго, существованія, для развитія въ себѣ собственныхъ, сокрытыхъ пока, багатыхъ, силъ, усвоить себѣ лучшіе результаты западной жизни, конечно, соображаясь съ особенностями породы, исторіи, климата, но не иначе, впрочемъ, какъ относясь къ нимъ свободно, критически.

Да, Бѣлинскій былъ вполнѣ *западникъ*, но онъ былъ въ то же время и *русскій* человѣкъ, вышедшій изъ народа и изъ бѣдности. Онъ горячо любилъ Россію и народъ, въ самой поэзіи котораго, рядомъ съ грубостью, отмѣтилъ не мало и прекраснаго, сердечнаго, человѣчнаго. Но, любя Россію,—такъ же пламенно любилъ Бѣлинскій и просвѣщеніе и свободу мысли и слова. Ни того, ни другого не видѣлъ онъ въ допетровской, изолированной отъ образованнаго міра, Руси:—отсюда враждебность, но только отнюдь не къ Руси вообще, а только къ ея невѣжеству. Довольно было Петру Великому только прорубить окно въ Европу, и Петръ Великій для Бѣлинскаго уже предметъ поклоненія. Но западничество никогда не заслоняло въ критикѣ русскаго человѣка: все самобытное, свое, но хорошее, человѣческое—все было для него предметомъ восторга, радости, сочувствія, увлеченія: и

великій русскій поэтъ (вспомнимъ, какъ говорилъ онъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Кольцовѣ), и нашъ славный русскій языкъ, и даже просто какой-нибудь эпитетъ. Говорить ли о сочувствіи Бѣлинскаго къ русскому крѣпостному мужику, или бѣдной Татьянѣ?

Еще одно качество Бѣлинскаго, какъ критика: это — *серьезность*, съ которой относился онъ даже къ повидимому, незначительнымъ объектамъ своей критики: онъ никогда не шутилъ ни съ предметомъ своихъ разъисканій, ни съ самимъ собой, ни съ читателемъ. Писаніе было для него святыня, и онъ, можно сказать, въ лучшихъ своихъ статьяхъ не писалъ, а священнодѣйствовалъ, ибо искусство было для него не игрушка, не забава, не средство написать побольше листовъ для гонорара, а такая же сфера человѣческой дѣятельности, какъ и наука, государство,—своего рода, святая святыхъ.

Какой же, кромѣ свободы творчества и народности, основной тезисъ, общая идея всей критики Бѣлинскаго; какъ она наконецъ вполнѣ ясно и опредѣленно выразилась, освободившись отъ всѣхъ наслоеній и заблужденій рамантизма, шеллингизма и гегелизма? Выразилъ это основное положеніе всей своей критики Бѣлинскій слѣдующимъ образомъ: *никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-*

малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта непремѣнно воспѣвать гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, была исполнена скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Кто поетъ про себя и для себя,—тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній". „Конечно, видимой, замѣтной поучительности, бьющей въ глаза, быть въ произведеніи не должно, но, тѣмъ не менѣе, произведеніе искусства должно имѣть разумное содержаніе, имѣть историческую и философскую связь съ современною художнику жизнью, т.-е. выражать интересы, духъ, задушевныя мысли страны. Такъ было въ искусствѣ всегда и вездѣ, когда искусство не обращалось въ игрушку, какъ въ псевдокласицизмѣ. И съ такимъ служеніемъ современности легко согласуется и самая свобода творчества. Для этого не нужно принуждать себя творить на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть сыномъ своей родины, своей эпохи, усвоить себы ея интересы, слить свои стремленія съ ея стремленіями; для этого нужны симпатія, любовь, здоровое практическое пониманіе чувства истины, которое не от-

дѣляетъ художественнаго произведенія отъ жизни. Если же въ произведеніи будетъ разумное содержаніе, то оно будетъ доставлять не одно только наслажденіе, но и пользу въ смыслѣ уясненія нашей жизни. И чѣмъ горячѣе художникъ сочувствуетъ человѣчеству, своей современности, родинѣ, тѣмъ болѣе это сочувствіе передается и намъ".

Такими мыслями подписалъ Бѣлинскій окончательный приговоръ всему призрачному, туманному, мечтательному романтизму, которымъ когда-то увлекался и самъ, и открылъ широкую дорогу новому реальному искусству, какъ изображенію дѣйствительной жизни, въ ея наиболѣе важныхъ и существенныхъ явленіяхъ,—искусству, освѣщенному здоровымъ идеализмомъ художника, какъ судьи и критика жизни, какъ наставника, какъ новаго пророка человѣчества. Въ своихъ требованіяхъ къ искусству и понятіяхъ, относящихся къ области эстетики, явился Бѣлинскій первымъ руководителемъ писателей и всего русскаго общества, а также и первымъ, такъ сказать, учителемъ теоріи поэзіи въ нашей школѣ, которая до него руководилась одной схоластической реторикой и политикой. Разсѣянныя по разнымъ статьямъ Бѣлинскаго, отдѣльныя разъясненія понятій о творчествѣ, идеализаціи, типахъ, вымыслѣ, отношеніи поэта къ жизни, наукѣ, искус-

ству, о ремеслѣ, выраженіи идей въ формѣ, талантѣ, геніи, области, родахъ и видахъ поэзіи — все это сдѣлалось кодексомъ для критиковъ и поэтовъ и вошло, какъ матеріалъ, въ первыя же руководства и учебники словесности, появившіеся съ наступленіемъ эры шестидесятыхъ годовъ, какъ, напр., книги Стоюнина, Водовозова и др., и вдохнуло живую душу въ школьную схоластику. Какъ пріятно нашему патріотическому, русскому чувству сознавать, что въ сороковыхъ годахъ, когда на Западѣ еще господствовалъ почти всецѣло романтизмъ, а во Франціи, за исключеніемъ Жоржъ-Зандъ, Бальзака, да здоровяка Беранже, царили романтики: Гюйо, Дюма, Сю, Альфредъ де-Мюссе, Ламартинъ и др., въ русской литературѣ романтизмъ былъ убитъ окончательно, а его мѣсто всецѣло заступила реальная, или, какъ ее называли, *натуральная*, школа, съ Гоголемъ во главѣ, такъ блестяще поддержанная такими корифеями, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Герценъ *(Кто виноватъ)*, Некрасовъ и др. — не мало, какъ увѣряютъ, повліявшими на образованіе новѣйшей реальной школы Флобера, Золя и Додэ.

Еще знаменательнѣе тотъ фактъ, что всѣ почти эстетическія понятія Бѣлинскаго, особенно о реализмѣ въ искусствѣ, объ идеализмѣ, объ изображеніи

въ искусствѣ современности, о соціальномъ значеніи его—все, что̀ еще въ сороковыхъ годахъ совершенно ясно поставилъ и разъяснилъ нашъ критикъ, явилось, какъ новое эстетическое евангеліе, только въ пятидесятыхъ годахъ, въ курсѣ философіи искусства, прочитанномъ въ Парижѣ Тэномъ, въ извѣстной книгѣ Прудона *Искусство*, наконецъ, уже въ наши дни, въ восьмидесятыхъ годахъ, въ книгѣ Гюйо—*Искусство съ точки зрѣнія соціологіи*, а также въ лекціяхъ объ искусствѣ извѣстнаго итальянскаго профессора Піо Феррьери. Все это читали мы, русскіе, еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ на гимназическихъ и университетскихъ скамьяхъ, и, не умри Бѣлинскій, задумавшій въ концѣ жизни написать курсъ исторіи литературы съ обширнымъ теоретическимъ вступленіемъ, отъ котораго остались только отрывки, мы имѣли бы цѣлый систематическій сводъ всѣхъ эстетическихъ понятій Бѣлинскаго.

И такъ, *первая* заслуга Бѣлинскаго, какъ критика, это то, что *онъ далъ прочныя, опредѣленныя и до сихъ поръ непоколебленныя основанія для критическаго отношенія къ художественной литературѣ вообще.*

Вторая, крупнѣйшая заслуга его—это, можно сказать прямо, *созданіе исторіи русской литературы*, которая, какъ и его теорія, съ шестидеся-

тыхъ годовъ, вошла, въ видѣ руководствъ и учебниковъ, во всѣ русскія школы и послужила основаніемъ цѣлаго ряда изслѣдованій по литературѣ XVIII и XIX вѣка, Стоюнина, Пыпина, Тихонравова и мн. другихъ. По крайней мѣрѣ, мы рѣшаемся утверждать, что безъ *Литературныхъ мечтаній* Бѣлинскаго, безъ его обзора литературы до Пушкина, этой новой области изученія русской жизни не было бы. Бѣлинскій далъ толчокъ къ критикѣ, какъ Пушкинъ далъ теченіе поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удивительно, въ первой же юношеской статьѣ, онъ сразу ставитъ вопросъ о томъ, есть ли у насъ литература, и, отвѣчая на него отрицательно, говоритъ, что есть у насъ только отдѣльные писатели, книги; но, что литературы, какъ органическаго, послѣдовательнаго развивающагося, цѣлаго, не существуетъ, хотя появленіе такихъ геніевъ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Крыловъ, показываетъ, что существовать она можетъ и будетъ. И вотъ, въ живыхъ очеркахъ, критикъ даетъ характеристику каждаго изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ нашей словесности XVIII в. и, воздавая каждому справедливо по заслугамъ, къ ужасу литературныхъ аристарховъ, ниспровергаетъ одного за другимъ, эти прочно установившіеся авторитеты: и Ломоносова, и Сумарокова, и самого Державина, выдѣляя его

одного по крупному таланту изъ всѣхъ другихъ. Ниспровергаетъ и Фонъ-Визина, и Богдановича, и даже, къ особому негодованію чиновныхъ литераторовъ, сводитъ съ пьедестала самого Карамзина, затѣмъ Дмитріева, Озерова; критически относится къ Жуковскому, Мерзлякову, Капнисту, Гнѣдичу, Воейкову, кн. Вяземскому,—словомъ, производитъ, съ одной стороны, погромъ полный, съ другой—даетъ картину хода литературы въ связи съ временемъ, ставя ее на историческую почву. Если къ этой увертюрѣ ко всей дѣятельности критика, присоединимъ другой, болѣе обстоятельный, обзоръ литературы до Пушкина, предшествующій обширнѣйшему разбору величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, въ Отечественныхъ запискахъ 1844 г. (послѣдній, блестящій періодъ критики Бѣлинскаго), наконецъ, особый обстоятельный разборъ Державина и Кантемира, то можно сказать, что Бѣлинскій положилъ основаніе всей исторіи русской литературы. Говорить ли объ оцѣнкѣ пяти крупнѣйшихъ писателей нашихъ, изъ которыхъ вышла вся позднѣйшая литература? Эти статьи, извѣстныя всѣмъ со школьной скамьи, даются юношеству читать, какъ образцы критики, и какъ необходимое руководство для пониманія писателей, знаніе коихъ обязательно во всѣхъ программахъ нашей гимназіи. И если Грибоѣдовъ

и разобранъ нѣсколько односторонe, только съ эстетической стороны, хотя Бѣлинскій и призналъ потомъ великое общественное значеніе комедіи и сатиры; если любимаго своего писателя, Гоголя, Бѣлинскому разобрать всего обстоятельно и не удалось, то зато Пушкинъ разобранъ такъ, какъ не разобранъ у насъ послѣ Бѣлинскаго ни одинъ писатель; статьи же о Лермонтовѣ, особенно о Героѣ нашего времени, до сихъ поръ считаютъ образцовыми по глубинѣ и мѣткости со стороны оцѣнки эстетической, а также и по пониманію Лермонтовской скорби и печоринскаго типа, который Бѣлинскій не только развѣнчиваетъ, но и освѣщаетъ, какъ страдальца своего самоанализа и невозможности употребить съ пользой свои недюжинныя способности. Кольцовъ — любимецъ Бѣлинскаго съ самаго своего выступленія на поэтическое поприще. Критикъ, кажется, самъ отбиралъ вмѣстѣ со Станкевичемъ изъ вороха плохихъ виршей, рабски подражавшихъ другимъ поэтамъ, немногіе перлы неслыханной русской художественной народной пѣсни воронежскаго прасола и издалъ маленькую книжку этихъ пѣсенъ, появленіе которыхъ привѣтствовалъ горячей статьей, обративъ на безвѣстнаго, полуграмотнаго мужичка общее вниманіе и указавъ на таящійся въ немъ геній-самородокъ. Теплѣе всѣхъ патентованнныхъ литераторовъ-аристократовъ, кромѣ

одного Пушкина, отнесся онъ къ этому робкому, подозрительному и самолюбивому Кольцову; принималъ самое сердечное участіе въ его внутренней жизни, творчествѣ и судьбѣ, бесѣдовалъ подолгу и переписывался съ нимъ, и, когда поэтъ умеръ, написалъ горячую статью о его жизни и сочиненіяхъ, которая даже и до сихъ поръ едва-ли не лучшее освѣщеніе его личности и поэзіи.

Но, не говоря уже о литературѣ XVIII столѣтія, о пяти сейчасъ названныхъ корифеяхъ и Крыловѣ, также по заслугамъ оцѣненнаго, сколько, не считая множества богато-содержательныхъ рецензій, разобрано имъ въ большихъ статьяхъ, писателей второстепенныхъ; какъ прекрасно, въ цѣлой огромной картинѣ, съ самой точной перспективой, представлена Бѣлинскимъ вся наша литература съ тонкимъ пониманіемъ относительныхъ достоинствъ ея представителей! Какъ страстно и мѣтко обнаруживаетъ онъ всю мишуру, надутость, несостоятельность Кукольника; какъ безпощадно развѣнчиваетъ Бенедиктова; какъ тонко раскрываетъ ложь въ высокопарныхъ стихахъ Хомякова; съ какой горечью оплакиваетъ паденіе высокодаровитаго Языкова! Съ другой стороны, съ какой симпатіей относится онъ къ несчастному Полежаеву, не скрывая его недостатковъ; — къ угрюмой музѣ

Баратынскаго, въ которомъ видитъ болѣе мыслителя, чѣмъ поэта, наконецъ, съ какою радостью встрѣтилъ критикъ А. Н. Майкова, въ которомъ оцѣнилъ красоты чистаго эллинскаго искусства, опредѣливъ его настоящее значеніе навсегда! Въ оцѣнкѣ нашей стихотворной поэзіи Бѣлинскій съ его огромнымъ эстетическимъ чутьемъ и развитымъ вкусомъ соперниковъ не имѣетъ, и его статья о поэтахъ-стихотворцахъ — настоящая обязательная школа для всѣхъ чувствующихъ въ себѣ стремленіе къ стихотворству, или мнящихъ себя поэтами. Если бы въ настоящее время всѣ эти сотни печатающихся молодыхъ и старыхъ поэтовъ, русскихъ декадентовъ, символистовъ, или просто мучениковъ охоты во что бы то ни стало измыслить что-нибудь въ стихахъ на манеръ, или на изнанку измышленнаго уже раньше ихъ,—если бы эти господа стихотворцы прочли хорошенько хотя указанныя нами статьи Бѣлинскаго, они бы отъ стыда бѣжали съ Парнаса безъ оглядки. За оцѣнкой стихотворцевъ, не забудемъ и народившейся русской повѣсти и историческаго романа. Не тотъ же ли Бѣлинскій, воздавая должное Загоскину, какъ мастерскому разсказчику и, послѣ попытокъ Карамзина, первому историческому романисту, обнаруживаетъ всю его фальшь въ изображеніи эпохи и реторическую при-

поднятость, противоставляя ему болѣе правдиваго и серьезнаго Лажечникова? А кто, какъ не тотъ же Бѣлинскій окончательно и безповоротно убилъ своей статьей романическаго и манернаго повѣствователя Марлинскаго, которымъ зачитывалась и разочарованными героями котораго бредила молодежь, портя на немъ свой вкусъ и развивая въ себѣ праздную фантазію и мечтательность, отвлекающую отъ дѣйствительной жизни, предъявляя къ ней дикія требованія. А это не мѣшало бы имѣть въ виду нынѣшнимъ переиздателямъ Марлинскаго, Загоскина и Кукольника, предлагающимъ товаръ по дешевымъ цѣнамъ школѣ и народу, какъ занимательное чтеніе. Что многіе изъ нашей зеленой молодежи, а тѣмъ болѣе народа, по своему развитію не выше нашей публики лѣтъ за шестьдесятъ назадъ, и что эти писатели, какъ занимательные разсказчики, читаются, за неимѣніемъ лучшей умственной пищи,— это, можетъ быть, и такъ; но, предлагая такую пищу, слѣдовало бы справиться у того же Бѣлинскаго, полвѣка назадъ опредѣлившаго ея качество, насколько она можетъ быть полезна для духовнаго организма, особенно теперь, для освобожденнаго русскаго народа и современной молодежи? И такъ, въ русской критикѣ заслуги Бѣлинскаго неоцѣненны, какъ по отношенію къ XVIII вѣку, такъ и всей со-

временной ему литературы. Уяснивъ смыслъ нашего литературнаго прошлаго и своего настоящаго, онъ въ предсмертной, одной изъ лучшихъ, статьѣ своей, *Русская литература въ 1847 г.*, какъ бы начертываетъ программу ея и въ будущемъ въ прекрасной параллели между романомъ *Кто виноватъ*, Герцена и *Обыкновенная исторія*, Гончарова.

Кромѣ заслугъ Бѣлинскаго по отношенію къ теоріи искусства и русской литературѣ, нельзя не остановиться на спеціальной заслугѣ Бѣлинскаго по отношенію *къ театру* вообще, оцѣнкѣ сценической игры, и особенно, разъясненіяхъ Шекспира въ игрѣ Мочалова.

„О, какъ было бы хорошо, еслибъ у насъ былъ свой народный, русскій театръ! Въ самомъ дѣлѣ, видѣть на сценѣ всю Русь съ ея добромъ и зломъ, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, слышать говорящими ея доблестныхъ героевъ, вызванныхъ изъ гроба могуществомъ фантазіи, видѣть біеніе пульса ея могучей жизни! О, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!“

Такими восторженными словами привѣтствовалъ 24 лѣтній юноша театръ въ 1834 г., въ первой статьѣ своей *Литературныя мечтанія*. Съ тѣхъ поръ, по самую смерть, не пропускалъ онъ безъ вниманія ни одного, мало-мальски значительнаго,

явленія въ мірѣ драматическаго творчества, и, какъ театральный критикъ и теоретикъ, незамѣнимъ въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ; страстный поклонникъ театра еще въ гимназіи въ Пензѣ, онъ не пропускаетъ ни одного замѣчательнаго представленія въ Москвѣ и, знакомясь съ Шиллеромъ, Шекспиромъ и Гамбургской Драматургіей, Лессинга въ кружкѣ Станкевича, со всѣмъ пыломъ юности, сразу возводитъ театръ на подобающее ему высокое мѣсто. Въ этомъ театрѣ влекла къ себѣ Бѣлинскаго та именно *всеобщность*, *общечеловѣчность*, та *міровая идейность* воплощающая въ драмѣ цѣлый міръ, единую идею, которая такъ увлекала критика въ философіи Шеллинга и Гегеля. Для Бѣлинскаго театръ былъ *національнымъ* и въ то же время *общечеловѣческимъ*, пантеистическимъ храмомъ, куда стекаются тысячи людей во имя общей любви къ искусству, міру, родинѣ. Для Бѣлинскаго Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте—это роскошный, безграничный міръ, созданный плодотворною фантазіей великаго генія. „Вы,—говоритъ Бѣлинскій,—живете въ театрѣ не своею жизнью, страдаете не своими страданіями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещете не за свою опасность; здѣсь ваше холодное *я* исчезаетъ въ пламени общечеловѣческой любви“.

Съ такими высокими требованіями къ театру выступилъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ, и эти требованія остаются для насъ тѣми же и теперь, черезъ 64 года послѣ того, какъ они были высказаны. Съ этими идеальными требованіями и выступилъ критикъ съ своими статьями и рецензіями объ игрѣ актеровъ въ то время, когда у насъ, за рѣдкими исключеніями, въ продолженіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, господствовали въ театрѣ трескучія мелодрамы и сентиментальная коцебятина, романтическая и патріотическая трагедія Кукольника, Ободовскаго и tutti quanti, да глупые водевили съ плоскимъ остроуміемъ грубаго фарса. Всѣ были довольны, и авторы, въ родѣ Кукольника, и актеры въ родѣ Каратыгина Старшаго, точно созданнаго для реторической надутой дребедени, или Младшаго, ломавшаго вмѣстѣ съ другими потѣшные фарсы, осмѣивавшіе чиновниковъ да купцовъ; довольна и публика, смотрѣвшая на театръ, какъ на забаву. Одинъ былъ недовольный—Бѣлинскій, и первый онъ взглянулъ на театръ такъ широко; онъ первый потребовалъ отъ актера человѣчной, естественной, правдивой, игры, а не завыванья или ломанья; отъ авторовъ потребовалъ онъ знанія лучшаго европейскаго театра, который долженъ быть для нихъ образцомъ въ смыслѣ правдиваго

изображенія человѣческой души, и настоящей, а не выдуманной, національности, которой ни у Кукольника, ни въ драмахъ Полевого не было. Актерамъ и публикѣ указывалъ онъ, какъ на образецъ правдивой игры—на Мочалова, и особенно Щепкина, противопоставляя имъ, даровитаго, но пошедшаго по ложной дорогѣ, Каратыгина; всѣмъ: и актерамъ, и авторамъ, и, наконецъ, публикѣ раскрылъ онъ на подробномъ анализѣ Гамлета — Шекспира.

Подобно Лессингу, Бѣлинскій долженъ былъ идти отъ противнаго; разбирая какую нибудь трагическую, или комическую, дребедень, на основаніи строго обоснованной теоріи драмы, и здѣсь, какъ и въ литературѣ вообще, онъ не только разрушалъ и отрицалъ, но и полагалъ начала разумныхъ требованій и отъ игры, и отъ самой пьесы. Съ какой радостью встрѣтилъ Бѣлинскій Ревизора, Женитьбу, Игроковъ; какъ мастерски оцѣнилъ пьесы Пушкина; какъ вѣрно указалъ въ Горѣ отъ ума неестественность нѣкоторыхъ монологовъ въ устахъ Фамусова и Молчалина. Но всего важнѣе—это оцѣнка Шекспира; — Гамлета — подробная, Макбета же, Отелло, Лира, Ромео —краткая, въ театральныхъ рецензіяхъ. И здѣсь Бѣлинскій у насъ первый взглянулъ на величайшаго драматурга съ подобающей

глубиной и ясно выяснилъ намъ, въ чемъ его сила. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ знала о Шекспирѣ русская публика до Бѣлинскаго? Сумароковскую передѣлку Гамлета, гдѣ датскій принцъ женится на дочери убитаго имъ Полонія — Офеліи, а та заключаетъ пьесу слѣдующими знаменательными словами:

Иди, о милый принцъ, явить себя въ народѣ,
А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ,—

т.-е., говоря проще, пойду помолиться на могилѣ отца.

Знала еще публика двѣ пьесы Императрицы Екатерины II — „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ (1786 г.) и „Начальное правленіе Олега,“ хотя и названныя „вольнымъ подражаніемъ Шекспиру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ“, но въ которыхъ шекспировскаго не было ровно ничего. Карамзинъ перевелъ, правда, по совѣту нѣмца Ленца, Юлія Цезаря, сопроводивъ его предисловіемъ, гдѣ въ первый разъ въ Россіи печатно было высказано о писателѣ нѣсколько здравыхъ мыслей, но переводъ прошелъ незамѣченнымъ, а самую пьесу, въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго, въ первый разъ разрѣшили къ представленію только въ прошломъ 1897 году въ Литературно-артистическомъ театрѣ. Играли еще съ

двадцатыхъ годовъ нѣкоторыя пьесы Шекспира, но въ передѣлкахъ Дюси, напр., Отелло въ устрашающемъ исполненіи Каратыгина, нѣсколько переводовъ, но крайне тяжелыхъ по языку, напр., Гамлета, Вронченка—вотъ и все.

Шекспиръ, какъ откровеніе для русскаго театра, въ первый разъ явился въ Москвѣ 22 января 1837 г., когда въ новомъ, легкомъ, переводѣ Гамлета—Полевого, выступилъ во всемъ блескѣ великаго таланта—въ роли датскаго принца—П. С. Мочаловъ. Съ этимъ именемъ связана лучшая статья Бѣлинскаго о театрѣ, явившися однако только въ 1838 г.: „*Гамлетъ—драма Шекспира и Мочаловъ въ роли Гамлета*". Этотъ же Мочаловъ, которому 16 марта 1898 г. исполнилось полстолѣтія съ его смерти, въ томъ же 1848 г., когда умеръ Бѣлинскій, связана и послѣдняя маленькая статейка Бѣлинскаго „*Павелъ Степановичъ Мочаловъ*", написанная за два мѣсяца до собственной смерти и напечатанная въ апрѣльской книжкѣ Современника. Такъ-то о театрѣ заговорилъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ; некрологомъ же о любимомъ актерѣ, такъ восторгавшемъ критика въ дни его молодости, онъ и кончилъ, чтобы черезъ два мѣсяца и самому послѣдовать за нимъ въ могилу. Какою-то особенною сдержанностью, серьезностью, вѣетъ отъ этой

краткой лебединой пѣсни великаго наставника; онъ цѣнитъ въ ней, какъ и всегда, въ великомъ артистѣ правду, естественность игры, но въ то же время не скрываетъ и ея недостатковъ. „Въ мірѣ искусства, — дописывала статью слабѣющая рука умирающаго поэта,—Мочаловъ примѣръ поучительный и грустный. Онъ доказалъ собой, что одни природныя средства, какъ бы они ни были огромны, но безъ искусства и науки доставляютъ торжества только временныя".

Мы только что говорили о Бѣлинскомъ, какъ критикѣ, теоретикѣ искусства, историкѣ литературы и объ отношеніи его къ театру; но есть еще одна сторона его дѣятельности, которую нужно отмѣтить *особо*. Мы хотимъ сказать о Бѣлинскомъ, какъ о первомъ провозвѣстникѣ у насъ истиннаго, духовнаго *просвѣщенія*, родоначальникѣ всей нашей *педагогіи*, въ смыслѣ христіанской гуманности и благороднаго идеализма вообще, въ смыслѣ воспитанія семейнаго и общественнаго. Принято считать такимъ родоначальникомъ Пирогова, помѣстившаго въ IX № 1854 г. въ Морскомъ Сборникѣ свою знаменитую статью *Вопросы жизни*, съ которой и считается начало нашего педагогическаго движенія пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Но нисколько, конечно, не умаляя великаго значенія

статей знаменитаго хирурга-педагога, мы позволимъ напомнить, что прекрасныя мысли его статьи, правда, болѣе чѣмъ у Бѣлинскаго систематически изложенныя и основательно обоснованныя и принятыя за новое откровеніе, еще въ 1838—1840 гг. и далѣе, были со свойственной Бѣлинскому горячностью и очень опредѣленно высказаны нашимъ критикомъ. Этотъ же Бѣлинскій можетъ быть, по всей справедливости, названъ такимъ же *первымъ критикомъ и дѣтской русской литературы*, которая и до сихъ поръ руководится его идеями. Мы даже позволимъ себѣ сказать, что тѣ идеалы воспитанія, которые начерталъ Бѣлинскій, не только еще далеко не осуществлены въ нашей семьѣ, и особенно школѣ, до сихъ поръ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, но часто довольно основательно забываются. Постараемся же въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить объ этихъ идеалахъ.

Отдѣльныхъ педагогическихъ статей Бѣлинскій не писалъ, но касался воспитательныхъ идей и развивалъ ихъ въ своихъ критическихъ статьяхъ, особенно въ рецензіяхъ о дѣтскихъ книгахъ въ 1838 — 40 годахъ, хотя возвращался къ этимъ идеямъ и въ послѣдующіе годы, высказавшись въ 1844 году очень опредѣленно о воспитаніи общественномъ.

Началъ проводить свой взглядъ на воспитаніе Бѣлинскій, какъ и въ критикѣ литературной, съ разрушенія стараго, отжившаго. Въ обширной рецензіи 1840 г. на сказки Гофмана и Сказки Дѣдушки Иринея (Одоевскаго) онъ явился горячимъ обличителемъ безсмысленнаго вскармливанія и эгоистической родительской любви въ духѣ г-жи Простаковой. Этой любви противопоставилъ онъ любовь идейную, въ смыслѣ любви къ истинѣ и добру, любовь, готовую положить душу за други своя. „На родителяхъ—пишетъ онъ—лежитъ обязанность сдѣлать дѣтей человѣками, а дѣлаетъ ребенка человѣкомъ только воспитаніе, которое легко можетъ испортить человѣка и, наоборотъ, развить въ немъ все доброе, чѣмъ одарила его природа"— причемъ, Бѣлинскій считаетъ способными къ воспитательному вліянію рѣшительно всѣхъ людей, изъ которыхъ ни къ чему неспособные, бездарные, люди, по его мнѣнію, только весьма рѣдкіе уроды. Онъ требуетъ воспитанія не наказаніемъ, не строгостью, а любовью, сердечнымъ отношеніемъ къ ребенку и уваженіемъ къ его личности. Если же орудіемъ, средствомъ, воспитанія должна быть непремѣнно любовь, то цѣлью этого воспитанія должна быть человѣчность, гуманность, подъ которою авторъ разумѣетъ духовную связь съ міромъ и человѣкомъ,

которая должна всегда, до старости, до самой смерти, чувствоваться человѣкомъ съизмальства. И Бѣлинскій съ восторгомъ говоритъ о старцѣ, сохранившемъ въ себѣ душу живу: „Какъ радостно—говоритъ онъ—встрѣтить въ старцѣ теплое чувство, не подавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтреннымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и грустнымъ, и свѣтлымъ, и пламеннымъ и гордымъ! Какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ милліонъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не разцвѣтши,—этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутиною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности—сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!“

Огромное значеніе придаетъ Бѣлинскій воспи-

танію добраго чувства, которое, по его мнѣнію, должно предшествовать знанію, чтобы не развилось въ дѣтяхъ раннее резонерство. „Бѣдныя дѣти!— иронически восклицаетъ онъ по поводу нравоучительныхъ дѣтскихъ книжекъ,—сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена и г-жи Жанлисъ".

Въ основаніе чувства полагаетъ онъ воспитаніе *религіозное*, но не лицемѣрное, обрядовое, а опять-таки основанное на любви къ Богу, какъ къ любящему отцу, къ Христу, за насъ, людей, распятому на крестѣ. Эта религіозность, по мнѣнію Бѣлинскаго, кромѣ любви, воспитывается еще и чувствомъ *безконечнаго*, *высокаго*,—чутьемъ того, что выше насъ, и передъ чѣмъ мы благоговѣемъ, что вводитъ насъ въ связь съ цѣлымъ міромъ, въ которомъ мы только ничтожныя единицы, что̀ населяетъ въ насъ невольное стремленіе къ лучшему, къ идеалу—воспитаніе того чувства безконечнаго, котораго не отвергаетъ и сама наука, открывающая намъ тайны міра только до извѣстнаго предѣла. Словомъ,—непремѣннымъ условіемъ воспитанія ставитъ Бѣлинскій воспитаніе въ дѣтяхъ извѣстнаго благороднаго *идеализма*, ибо, говоритъ онъ: „только въ обществѣ, стремящемся къ идеалу, только въ обществѣ, сознающемъ въ своей груди существо-

ваніе глубоковнутренняго, возносящагося надъ дѣйствительностью, идеальнаго міра—только въ подобномъ обществѣ,—и возможенъ прогрессъ. И воспитаніе, не развивающее въ дѣтяхъ даннаго имъ въ зародышѣ идеальнаго міра, есть воспитаніе въ человѣческомъ обществѣ животныхъ, а не людей.“ И такъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, главная цѣль воспитанія—это развитіе *двухъ* основныхъ элементовъ идеальнаго міра: чувства *любви* и чувства *безконечнаго*. Къ этому присоединяетъ онъ еще чувство *совѣсти*, какъ основы всей морали и, наконецъ, чувство *эстетическаго*, какъ одинъ изъ первѣйшихъ элементовъ человѣчности. *Средство* воспитанія этого чувства—*искусство*, особенно музыка и поэзія. Неостанавливаясь на подробностяхъ, скажемъ вообще, что основаніемъ всего воспитанія, еще въ 1838—40 годахъ, полагалъ Бѣлинскій въ христіанской, основанной на любви, совѣсти и благоговѣніи передъ безконечнымъ, религіи, въ поселеніи въ ребенкѣ уваженія къ личности своей и чужой и самой широкой человѣчности, гуманности, придавая въ воспитаніи огромнѣйшее значеніе разумному развитію *чувства* и здоровой *фантазіи*. И съ этой послѣдней точки зрѣнія, т.-е. по отношенію къ чувству и фантазіи, Бѣлинскій, едва-ли, не первый проповѣдникъ у насъ наглядности, живости и ин-

тереса въ преподаваніи, взамѣнъ всякихъ грамматическихъ и иныхъ скучныхъ и недоступныхъ для ребенка отвлеченностей и сухихъ опредѣленій.

Не буду утруждать, г-да, вашего вниманія дальнѣйшими указаніями на идеи Бѣлинскаго, напр. о воспитаніи человѣка для общества, для родины, для борьбы со зломъ, на проповѣдь самаго широкаго альтруизма, на требованіе національности въ воспитаніи, но непремѣнно на общечеловѣческомъ, европейскомъ, просвѣщеніи, на воспитаніи въ дѣтяхъ людей сильныхъ духомъ; повторимѣ одно: всѣ эти идеи, вошедшія теперь въ сознаніе всѣхъ лучшихъ людей нашего общества и повторенныя въ системѣ и подробностяхъ Пироговымъ и Ушинскимъ, были высказаны нашимъ критикомъ еще задолго до наступленія эпохи великихъ реформъ, а въ томъ числѣ и педагогическихъ, и всѣ лучшіе педагоги этой эпохи воспитались именно на Бѣлинскомъ.

Не буду также распространяться о немъ, какъ о критикѣ дѣтской литературы. Довольно сказать, что первый громкій голосъ противъ лжи, фальши, слащавости, глупой морали дѣтской книги раздался изъ устъ Бѣлинскаго, который первый посмотрѣлъ на дѣтскую книгу, какъ на серьезное, отвѣтственное дѣло. И здѣсь онъ также не только, такъ

сказать, разрушалъ современную дѣтскую литературу, но и созидалъ новое: тщательно отмѣчалъ онъ немногое хорошее, и въ то же время показывалъ, какова же должна быть, вообще, хорошая дѣтская книга, указывая на выборъ изъ литературы народной и истинно художественной литературы взрослыхъ.

И здѣсь Бѣлинскій показалъ путь, по которому пошелъ прежде другихъ Чистяковъ съ своимъ *Журналомъ для дѣтей*, пошли — возникшіе позже дѣтскіе журналы—и идетъ и въ настоящее время вся лучшая дѣтская литература и критика дѣтскихъ книгъ, первымъ критикомъ которыхъ былъ тотъ же Бѣлинскій, какъ первымъ дѣтскимъ писателемъ былъ лѣтъ за пятьдесятъ до Бѣлинскаго Николай Ивановичъ Новиковъ.

Не могу не упомянуть еще объ отношеніи Бѣлинскаго къ русской *женщинѣ*. Идеалистъ, цѣломудренно и въ высшей степени деликатно относившійся къ женщинѣ отъ ранней своей юности, онъ, хотя и обрушивался на Жоржъ-Зандъ, за ея эмансипаціонныя мысли, въ несчастную эпоху увлеченія гегелизмомъ, но съ сороковыхъ годовъ является жаркимъ ея поклонникомъ именно за то же самое, за что ее осуждалъ. Она въ 1841 г., по его словамъ, теперь уже не что иное, „какъ адвокатъ женщинъ, подобно тому какъ Шиллеръ есть адвокатъ

за человѣчество“. Благодарны и честны воззрѣнія Бѣлинскаго на женщинъ вообще, и въ особенности, на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія, словомъ, на то, что называютъ женскимъ вопросомъ. „Уваженіе къ женщинамъ,—говоритъ Тургеневъ,—признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія, сказываются у него всюду, гдѣ онъ только касается этого вопроса“.

Краткій нашъ обзоръ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго конченъ. Къ какому же приходимъ мы выводу? Чѣмъ же былъ, да въ значительной степени и до сихъ поръ, черезъ цѣлыхъ полстолѣтія послѣ своей смерти, остается для насъ Бѣлинскій? Собственно говоря, — новаго, своего, въ смыслѣ философской мысли,—такого, чего-бы мы не нашли въ литературѣ европейской, онъ не далъ ничего, хотя, какъ говорили мы раньше, во многихъ своихъ требованіяхъ и взглядахъ на искусство онъ опередилъ и Тэна, и Гюйо. Громадны, конечно, его заслуги по отношенію къ русской критикѣ, и онъ справедливо можетъ быть названъ Колумбомъ въ русской литературѣ, хотя время и наложило, какъ налагаетъ оно всегда и вездѣ, и

на все въ мірѣ свою печать, и на Бѣлинскаго. Кое-что, допустимъ, въ его критическихъ оцѣнкахъ даже и устарѣло, хотя, какъ мы указывали, оцѣнка всѣхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей XVIII в., Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Майкова, Гончарова и мн. др. не поколеблена и до сихъ поръ. Но есть въ Бѣлинскомъ нѣчто такое, чего нѣтъ еще, по крайней мѣрѣ, въ такой яркости, опредѣленности, полнотѣ и цѣльности ни у одного русскаго писателя: это нѣчто, особенно важное и поучительное именно для нашего русскаго общества, это нѣчто:—величайшее культурно-общественное и морально поучительное и для современниковъ, и для насъ потомковъ, значеніе Бѣлинскаго. Этотъ благороднѣйшій, убѣжденный идеалистъ, для котораго съ юности истина была дороже всего, дороже всѣхъ мірскихъ благъ, даже самой жизни; этотъ рыцарь духа, безъ страха и упрека, павшій съ мечомъ въ рукахъ, не поддавшись ничему, не шедшій никогда ни на какія уступки, ни вступавшій ни съ кѣмъ, и ни съ чѣмъ ни въ какіе компромиссы, да вѣдь этотъ человѣкъ уже самъ по себѣ, одной своей натурой, своимъ нравственнымъ закаломъ, служитъ примѣромъ не только для современниковъ, но и для отдаленнѣйшаго потомства! Вотъ ужъ у кого слово-то никогда

не расходилось съ дѣломъ! Вотъ человѣкъ, котораго смѣло мы, русскіе, можемъ показать цѣлому міру, не скрывая ни одной изъ его святыхъ ранъ! Такого другого по цѣльности натуры и моральной силѣ едва ли мы въ Россіи и найдемъ: и не къ нему относятся слова Некрасова, обращенныя вообще къ идеалистамъ сороковыхъ годовъ:

Не предали они—они устали
Свой крестъ нести,
Покинулъ ихъ духъ гнѣва и печали
На полпути.—

Бѣлинскій могъ спотыкаться о камни гегелизма, падать подъ гнетомъ бѣдности и заблужденій, но онъ быстро вставалъ и шелъ все дальше и дальше, любовью побѣждая сердца. Но въ то же время онъ и кипѣлъ духомъ гнѣва противъ неправды—духомъ гнѣва, который горѣлъ въ немъ, напримѣръ, противъ славянофиловъ и вспыхнулъ, передъ самой смертью, такимъ огнемъ въ письмѣ къ Гоголю; великая же печаль о русской землѣ, для которой онъ такъ мало могъ предвидѣть, въ маѣ тяжелаго 1848 для Россіи года, зарю обновленія, — эта печаль сошла съ нимъ въ могилу.

Если уже одна личность Бѣлинскаго сама по себѣ являетъ намъ чуть не единственный у насъ такой примѣръ громадной силы духа, да еще при-

томъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ и при такихъ условіяхъ времени, то его дѣятельность имѣетъ громадное культурное значеніе, такъ какъ она общественно воспитывала и, до нѣкоторой степени, воспитала цѣлыя поколѣнія. По справедливому выраженію Некрасова, Бѣлинскій, какъ еще и немногіе другіе, были въ то время воспитателями общества:

„Не забылъ ты истинныхъ свѣтилъ,—говорилъ Некрасовъ
въ Медвѣжьей охотѣ,—
Отмѣтившихъ то время роковое:
Бѣлинскій жилъ тогда, Грановскій, Гоголь жилъ,
Еще найдется славныхъ двое, трое:
У нихъ тогда училось все живое!
Бѣлинскій былъ особенно любимъ".

Пройдя путемъ тяжелой внутренней борьбы черезъ всѣ дебри романтизма и шеллингизма, Бѣлинскій, къ сороковымъ годамъ, вышелъ чистъ и свѣтелъ на путь просвѣщеннаго европеизма, какъ онъ понимался тогда лучшими умами на западѣ и у насъ. Идеи этого европеизма—о личности человѣка, о его естественныхъ правахъ, о гражданственности, объ общественномъ служеніи своей странѣ, о необходимости прогресса и невыгодахъ застоя,—онъ настойчиво проводилъ въ своихъ статьяхъ до самой своей смерти. Но, оставаясь, что называется, durch und durch, до мозга костей, ярымъ западникомъ, убившимъ наповалъ увлекшихся не въ мѣру идеей

исключительнаго націонализма словянофиловъ, Бѣлинскій, повторяемъ, въ то же время всегда оставался истинно русскимъ человѣкомъ, истиннымъ патріотомъ своего дорогого отечества: онъ, какъ говорили мы раньше, любилъ и русскій закрѣпощенный народъ, и нашу литературу, и нашъ языкъ, и славную русскую женщину, и русскаго ребенка, и все, что только есть въ насъ хорошаго; одного только страстно для своей Россіи желалъ:—чтобы это хорошее не заглохло, не загибнуло, не извратилось отъ недостатка просвѣщенія. Бѣлинскій—это нашъ культурный центръ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединилось все, что бродило въ то время, часто неясно сознавалось и только предчувствовалось въ лучшихъ людяхъ нашего общества, какъ бы подготовлявшагося къ великой эпохѣ реформъ, когда претворялись въ жизнь и мечты объ освобожденіи крестьянъ, и объ открытомъ судѣ, и о большей свободѣ слова, и о личности, и о воспитаніи, объ эмансипаціи женщинъ и о многомъ другомъ. Все это обсуждалось и вырабатывалось въ теоріи въ петербургскомъ кружкѣ Бѣлинскаго; обо всемъ этомъ говорится у Бѣлинскаго намеками, между строкъ, въ статьяхъ, и болѣе откровенно трактуется въ письмахъ. Бѣлинскій именно чутко понималъ, что требовалось въ его время для Россіи, изобра-

женной Гоголемъ и писателями натуральной школы. Онъ заботливо поддерживалъ въ своихъ друзьяхъ и единомышленникахъ священное пламя прогресса. Бѣлинскій умеръ рано, и даже, можетъ быть, какъ разъ во время, къ великому счастію для себя; но наслѣдіе его осталось въ добрыхъ рукахъ тѣхъ, въ комъ онъ будилъ духъ. Не забудемъ, что всѣ позднѣйшіе критики — В. Майковъ, Дружининъ, Анненковъ и критики шестидесятыхъ годовъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, и беллетристы, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, Писемскій—почти всѣ эти писатели сороковыхъ годовъ, развернувшіеся въ эпоху освобожденія, вышли изъ кружка Бѣлинскаго, или выработались подъ его вліяніемъ; вся молодежь воспитала на Бѣлинскомъ свои литературные вкусы и требованія. Мало того—какъ только пришло время отъ слова перейти къ дѣлу, въ комъ, какъ не въ духовныхъ питомцахъ, или товарищахъ великаго общественнаго наставника нашлись наиболѣе цѣнные работники и сподвижники реформъ Царя-Освободителя:—и въ работахъ по освобожденію крестьянъ, и въ области юриспруденціи, и въ педагогіи, и въ самой администраціи, и по женскому вопросу и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, можно, кажется, сказать не ошибаясь, что, если двадцатые и тридцатые годы принято называть эпохой Пуш-

кина,—то годы сороковые, по всей справедливости, можно назвать просвѣтительной эпохой истинно русскаго, пламеннаго патріота — критика и публициста, воспитателя русскаго общественнаго мнѣнія—Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Русскаго Бѣлинскаго не безъ основанія сравниваютъ съ нѣмцемъ Лессингомъ. Оба они—натуры, такъ сказать, критическія, протестующія, боевыя; по уму геніальные; оба застали свое отечество въ положеніи умственнаго застоя; оба вышли въ бой за истину, за просвѣщеніе своей родины, которому расчищаютъ дорогу; оба — критики, полемисты и публицисты; оба разъясняютъ своему народу основы и значеніе искусства; оба ниспровергаютъ авторитеты и ратуютъ противъ устарѣлыхъ литературныхъ школъ и указываютъ на возникающія новыя; оба высоко ставятъ театръ и разъясняютъ и авторовъ, и игру актеровъ; оба пишутъ о гуманномъ воспитаніи; оба, наконецъ, бѣдняки — неподкупные безсеребреники, безукоризненно-нравственные апостолы истины, служившіе лучшимъ, насущнымъ, интересамъ своей родины.

Но тутъ и кончается сходство и начинается разница.

Какъ ни печально было въ половинѣ прошлаго XVIII в. политическое и научное положеніе Герма-

ніи, все же бѣднякъ Лессингъ могъ получить хорошую домашнюю подготовку и образованіе въ двухъ университетахъ, Лейцпигскомъ и Виттенбергскомъ, по двумъ факультетамъ, богословскому и медицинскому, основательно изучить древніе языки, даже еврейскій, и, не довольствуясь школьной схоластикой, могъ дополнить свое образованіе самостоятельно. Такимъ образомъ, чтобъ стать вождемъ своего нѣмецкаго народа, онъ, какъ и слѣдовало представителю культурной націи, обладалъ не только образованіемъ, нб еще и рѣдкой, всеобъемлющей, ученостью, которая побивала весь ученый міръ.

Лессингъ-Бѣлинскій — дитя русской семьи, съ пьянымъ интеллигентомъ отцомъ и едва грамотной матерью, исключается изъ захолустной Пензенской гимназіи за нехожденіе въ классы, гдѣ и дѣлать-то ему было нечего; изъ столичнаго, перваго, русскаго университета, гдѣ господствуетъ тупой, осмѣянный Пушкинымъ, педантъ Каченовскій съ братіей, его увольняютъ за неспособность, и онъ уже самъ, тяжелымъ трудомъ, ищетъ свѣта въ товарищескихъ бесѣдахъ и въ самообразованіи, безъ знанія даже новѣйшихъ языковъ. Только благодаря геніальному, самородному, уму онъ выходитъ цѣлъ, послѣ долгой борьбы, изъ противорѣчій и заблужденій страстнаго самоучки. Самый жаръ и страсть,

съ которыми Бѣлинскій всегда ратовалъ за просвѣщеніе, такъ сильно у него и проявлялись, быть можетъ, именно потому, что онъ самъ на себѣ испыталъ всю горечь невѣжества. Потому-то нѣмецъ Лессингъ и могъ вести свою борьбу съ бо́льшимъ тактомъ и спокойною увѣренностю въ себѣ, чѣмъ Бѣлинскій.

Лессингъ—современникъ Гердера, Винкельмана, Канта, Шиллера, Гете; пишетъ *Наѳана мудраго* и *Воспитаніе человѣческаго рода*, гдѣ открыто проповѣдуетъ полную вѣротерпимость; имя Лессинга гремитъ не только въ Германіи, но и по всему міру въ эту великую эпоху мірового подъема духа.

Бѣлинскій—современникъ Сенковскому, Гречу, Булгарину, Шевыреву, Погодину, сосланному на Кавказъ за рукописные стихи „На смерть Пушкина", юному поэту Лермонтову, отцвѣтшему, не успѣвши расцвѣсть, полуграмотному пѣсеннику Кольцову. На глазахъ Бѣлинскаго разыгрывается страшная трагедія отступничества такого единственнаго русскаго генія, какъ Гоголь. Какой ужъ тутъ „*Наѳанъ Мудрый*", или „*Воспитаніе человѣческаго рода*", когда даже о самой христіанской любви и терпимости приходится говорить по поводу какой-нибудь дѣтской книжонки, или героя или героини романа, или повѣстушки, и осторожно, въ рецензіи, проводить мысль о важности гуманнаго воспитанія.

Какой же тутъ Лессингъ, когда за напечатанныя, пропущенныя цензурой, статьи, Бѣлинскій попадаетъ въ разрядъ неблагонадежныхъ, и частное письмо къ Гоголю сдѣлалось предметомъ цѣлаго государственнаго тѣла и отравило бѣдному писателю послѣднія минуты его жизни. Слава Богу, что эти тяжелыя времена отстоятъ отъ насъ на цѣлыхъ полвѣка! И тѣмъ величественнѣе возстаетъ передъ нами этотъ, по-истинѣ, богатырь духа, Бѣлинскій, одинъ вынесшій на своихъ слабыхъ плечахъ все поколѣніе! Тѣмъ съ большею благодарностью должны мы чтить, господа, его святую память, а молодое поколѣніе, какъ въ свое время и мы сами, и наши отцы, обратиться къ внимательному изученію его сочиненій, которыя уже вовсе не такъ устарѣли, какъ иногда легкомысленно думаютъ.

Лекціи мои кончены; но я еще на минуту злоупотреблю вашимъ вниманіемъ. Хочется сказать нѣсколько словъ о художественныхъ воспроизведеніяхъ дорогого намъ образа, сдѣланныхъ уже послѣ смерти Бѣлинскаго. Кажется, такихъ талантливыхъ, проникнутыхъ особой любовью къ покойному, художественныхъ произведеній только три. Всѣ они созданы горячими его поклонниками, воспитавшимися на его сочиненіяхъ, проникнутыми его духомъ, ихъ вдохновившимъ.

Лучшій, по мнѣнію родныхъ Бѣлинскаго и его современниковъ, портретъ созданъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ московскимъ художникомъ Иваномъ Александровичемъ Астафьевымъ. Этотъ портретъ былъ здѣсь въ Петербургѣ весной 1882 г. на особой выставкѣ астафьевскихъ превосходныхъ портретовъ русскихъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, въ томъ числѣ Станкевича, Герцена, Тургенева и Лермонтова. Онъ былъ изданъ тогда же въ 400 экземплярахъ при помощи Тургенева, давно уже разошелся и, по заявленію самого художника въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, будетъ переизданъ къ 26 мая сего года.

Кажется, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была написана умершимъ въ 1895 г., даровитымъ, интеллигентнымъ художникъ, Алексѣемъ Аввакумовичемъ Наумовымъ, вѣроятно, многимъ извѣстная картина изъ жизни критика — „*Бѣлинскій передъ смертью*“. Она была приложена еще въ 1896 г. къ газетѣ „Новое Время“ и нынѣ къ павленковскому изданію сочиненій Бѣлинскаго. Взятъ моментъ, когда, по словамъ біографа его, А. Н. Пыпина, къ умирающему Бѣлинскому пришелъ жандармъ съ повѣсткой явиться для объясненій въ III отдѣленіе. „По тогдашнимъ обстоятельствамъ,—замѣчаетъ біографъ, — можно понять, какое впечатлѣніе должно

произвести неожиданное и загадочное появленіе этого посланнаго — въ квартирѣ Бѣлинскаго". На картинѣ справа, черезъ полуотворенную дверь, видѣнъ разговаривающій съ кухаркой жандармъ; въ кабинетъ, гдѣ лежитъ умирающій, входитъ съ извѣстіемъ о визитѣ растерявшаяся жена. Умирающій привсталъ на постели въ нѣмомъ ужасѣ; пришедшіе навѣстить друга, Панаевъ и Некрасовъ, съ недоумѣніемъ обернулись къ вошедшей; маленькая дочка спокойно у стула играетъ въ куклы. Картина если и передаетъ дѣйствительную сцену не вполнѣ точно, но вполнѣ возможно, и производитъ впечатлѣніе тяжелое. Это *единственная историческая память о великомъ критикѣ, оставленная художникомъ въ картинѣ*, ярко схватившей одинъ изъ предсмертныхъ моментовъ многострадальной жизни Бѣлинскаго, въ напоминаніе о томъ, что переживало полвѣка назадъ русское общество. Слѣдовало бы сохранить эту единственную картину для потомства въ какомъ - нибудь хранилищѣ произведеній искусства. Но до сихъ поръ пріобрѣтеніемъ ея не поинтересовался никто.

Третья художественная память о Бѣлинскомъ передъ нами — это бюстъ, сдѣланный въ началѣ семидесятыхъ годовъ извѣстнымъ художникомъ, Н. Н. Ге, который друзья Бѣлинскаго находили

очень удачнымъ [1]). Этотъ бюстъ стоялъ въ кабинетѣ Некрасова. Стихами его, обращенными къ умершему другу, которому такъ много были обязаны поэтъ и все русское общество, и заканчиваю лекціи:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ,—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
„Чернорабочій я—не бѣлоручка!“—
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

---

[1]) Лекторъ говоритъ о бронзовомъ бюстѣ — собственности В. Ѳ. Голубева. позволившаго поставить бюстъ въ залѣ на чтеніяхъ лекцій. *В. О.*

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ не угасая,—
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя,—

То недовольство, что душѣ живой
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: „пора въ могилы“.

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы продаются книги Виктора Острогорскаго.

1) **Выразительное чтеніе.** Пособіе для учащихъ и учащихся. (Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ), ц. 50 к. 1898 г. Содержаніе: Вступленіе; значеніе искусства читать; искусству читать можно выучиться; какъ выучиться читать (голосъ, дыханіе, произношеніе, паузы, ударенія логическія), о чтеніи стиховъ; заключеніе. Въ приложеніи:—основаніе стихосложенія; практическія указанія для обученія выразительному чтенію; примѣрная хрестоматія разбора образцовъ (до 21-го, начиная съ примѣровъ для маленькихъ дѣтей и кончая разборомъ сценъ изъ Шекспира).

2) **Изъ исторіи моего учительства, какъ я сдѣлался учителемъ.** (1851—1864) изд. О. Н. Поповой, Спб. 1895, ц. 1 р. 25 к.

3) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журн. „Міръ Божій", Спб. 1897, ц. 40 к.

4) **Очерки пушкинской Руси**, Спб. 1897, изд. (2-е) журн. „Міръ Божій", ц. 40 к.

5) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества, съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 6-е. М. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

6) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ**, разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

7) **Хорошіе люди.** Сборникъ разсказ., съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

8) **Этюды о русскихъ писателяхъ:** I. **И. А. Гончаровъ**, М. 1897 г. Ц. 75 к.—II. **Н. Г. Помяловскій.** Ц. 40 к.—III. **М. Ю. Лермонтовъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. **Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ.** 1893 г. Ц. 50 к.

9) **Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.

10) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній** (по Л. Эккардту) съ прил. „Краткаго учебника теоріи и поэзіи“. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

11) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е Ц. 90 к.

12) **Русскіе писатели, какъ восп.-образов. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Л. Толстой, Погосскій). Изд. 3-е Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Родные поэты**, для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго; **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е М. 1894 г.

14) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

15) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

16) **Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы.** (Мгла, др. въ 5 д.; Липочка, ком. въ 3 д. съ прологомъ; сцены: На однѣхъ сѣняхъ; Первый шагъ; Въ бельэтажѣ на улицу). Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

17) **С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 коп.

18) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ**, пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

19) **Изъ народнаго быта.** Титъ, Вавило, Маша. Изд. 5-е М. 1898 г. Ц. 10 к.

по Л.
д. 3-е,

нятій
ловъ,
Май-
енко,
рогос-

никъ
ѣ В.
ловъ,
Май-
овъ).

. для

р. въ
ь сѣ-
ерле.

Мар-

пер.
. Ле-

е М.

